

Антоний (Храповицкий), архим., Ректор Академии; Беляев А. Д., доц.; Борисовский П., студ.; Голубинский Д. Ф., проф.; Громогласов И., студ.; Заозерский Н. А., доц.; Мецкерский В., студ.; Николин И., студ.; Преображенский Ф., студент; Соколов В. А., проф.; Соколов П. П. доц.; Соколов Л., студ.; Успенский Н. [Памяти наставника нашего В. Д. Кудрявцева—Платонова. Речи, слова и стих при погребении] // Богословский вестник 1892. Т. 1. № 1. С. 166—214 (2-я пагин.).

166

БОГОСЛОВСКИЙ ВѢСТНИКЪ, ОТД. III.

Р Ѣ Ч Ъ,

сказанная доцентомъ Н. А. Заозерскимъ по внесеніи тѣла усопшаго въ академическую церковь, вечеромъ 6-го декабря.

Наше житіе на небесахъ есть, отъ онудуже и Спасителя ждемъ Господа нашего Иисуса Христа, Иже преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти сему сообразну тѣлу славы Его. Филип. III, 20, 21.

Насталь, братіе, часъ, волею Божіею опредѣленный, часъ разлуки нашей съ долговременно подвизавшимся незабвеннымъ учителемъ, сослуживцемъ и — не обинуясь скажу — другомъ. Его уже не узрѣть намъ въ домъ его! Вотъ среди насъ новый гробъ, въ которомъ почилъ на вѣки непробуднымъ для близкихъ и друзей своихъ сномъ сей неутомимый труженикъ. Угасъ свѣтильникъ вѣры и знанія; угасъ свѣточъ правды; и привременный источникъ милостины, елика скорбныхъ и пуждающихся уже заявляетъ печаль о своемъ истощаніи. Сумракъ приближающейся холодной ночи освѣщается и согрѣвается любовію сопровождающихъ сей новый гробъ. О да не изсякнетъ любви отъ святаго храма сего, храма Божіей любви и свѣта истины!

Никто не дерзнетъ сказать, что рано почилъ отъ трудовъ своихъ сей мужъ непрерывнаго труда, потому что всѣ мы знаемъ, что трудъ, и скорбь, и болѣзни его были *много*, и въ тоже время всѣ мы ощущаемъ грусть, печаль безвременной утраты.

Разумъ и чувство борются и не уступаютъ одинъ другому правъ своихъ на преобладаніе.

Но въ храмъ сего не мѣсто для борьбы, смущенія, душевныхъ смятеній. Здѣсь — мѣсто горнихъ созерцаній; здѣсь скорбь земная вытѣсняется небесною радостью; здѣсь самое тѣлесное смерти напоминаетъ о безконечной жизни.

Крестомъ упразднися смерть и кто идетъ симъ крестнымъ путемъ и по немощи плоти падаетъ подъ тяжестью креста даже до смерти, тотъ переходитъ отъ смерти въ жизнь вѣчную.

Въ новомъ гробѣ, руками нашими внесенномъ во всечестный храмъ сей, покоятся драгоценные останки, *тѣло смиренія* — сказалъ бы Апостоль, — органъ великой души, ею истощавшійся и истощенный даже до смерти — неустан-

нымъ служеніемъ долгу, высокимъ духовнымъ дѣланіемъ, братолюбнымъ служеніемъ братіи меньшей, — органъ, истаявшій отъ слезъ, омывавшихъ *на всяку ночь* ложе одинокаго, убитаго незримою нами скорбію сердца. Сей новый гробъ да напоминаетъ взорамъ нашимъ о томъ новомъ гробѣ, въ коемъ *никто-же бы положенъ*, доколѣ не возлегъ на немъ *спедый съ небеси* преобразить тѣло смиренія нашего, яко быти сему сообразну тѣлу славы Его. Спедый съ небеси на землю, Творецъ, Господь и Судія, видѣти дѣла наши, узрѣвъ скорбь нашу, *прослезися* (Іоан. XI. 35).

Пострадавый за насъ и сострадавый намъ Господи помилуй насъ!

Не для неутѣшной печали внесенъ сюда гробъ сей новый. Да исполнится въ любви нашей къ усопшему смотрѣніе о немъ и Воля глубиною премудрости вся Содѣявшаго. Да славна будетъ отнынѣ память его посреде живыхъ! Да славится отнынѣ смиреніе его! Безпримѣрная кротость, участіе, состраданіе, нелицемѣрная любовь, даже самый свѣтъ очей его — увы уже угасшій — да подвигнуть насъ къ пламенной молитвѣ о его упокоеніи. Да будетъ уготованный и украшенный сей новый гробъ стезею на небеса нынѣ оплакиваемому нами усопшему, послѣдовавшему Господу крестнымъ путемъ неустаннаго дѣланія, оросившему послѣднюю годину свою слезами горькими! Да будетъ стезею на небеса, отъонудуже ждемъ Господа нашего Иисуса Христа, иже преобразить тѣло смиренія раба своего, яко быти сообразну сему тѣлу славы Его!

Господу нашему Иисусу Христу, пострадавшему за насъ и сострадавшему намъ, Тому слава въ церкви во вѣки вѣковъ. Аминь.

С Л О В О,

по внесеніи тѣла усопшаго въ академическую церковь, сказанное Р. А. Архимандритомъ Антоніемъ.

„Блаженіи мертвіи, умирающіи о Господѣ отнынѣ; ей, малоюль Духъ, да почиють отъ трудовъ своихъ: дѣла бо ихъ ходять въ слодъ съ ними“ (Апок. 14, 13).

Блаженъ ты, усопшій учитель нашъ, учитель Академіи, предлежащій бездыханно среди насъ! Блаженъ ты, ибо дѣла

твои таковы, что пойдутъ вслѣдъ за тобою, въ міръ загробный. Дѣйствительно, чему и умирать въ тебѣ? — Есть смерть для горделиваго самопревозношенія и исканія суетной славы. Но совершенно чуждъ былъ ты того и другаго грѣха и не гордость, по *смирненіе предшествовало твоей „славы“* (Притч. 18, 12). — Есть смерть для чувственныхъ страстей, для служенія чреву; есть тяжкая смерть и грозный судъ для ненависти, зависти и обидъ, но чистъ былъ твой духъ и твоя жизнь отъ подобныхъ паденій. Посвятивъ твою жизнь служенію премудрости Божіей, ты могъ бы по всей справедливости опредѣлить сущность твоего жизненнаго содержанія словами Писанія: *„премудрость и знаніе есть страхъ предъ Господомъ, и благоугожденіе Ему — въра и кротость“* (Сир. 1, 27). Твоя благочестивая премудрость была *„древо жизни для тѣхъ, которые приобретаютъ ея“* (Пр. 3, 18), потому-что она всегда возносила къ Богу и могла сказать Ему вмѣстѣ съ Соломономъ: *„знать Тебѣ есть полная праведность и признавать власть Твою — корень безсмертія“* (Прем. 15, 3); а такъ какъ *„на пути правды жизнь и на стезь ея нѣтъ смерти“* (Пр. 12, 28): то мы уповаемъ, что твое *„желаніе премудрости возводитъ къ царству“* (Прем. 6, 20), что, иначе говоря, для тебя смерти нѣтъ, праведный старецъ, что, умирая о Господѣ, ты блаженъ.

Блаженъ ты! по почему-же мы грустимъ и плачемъ? Блаженъ ты, по почему мы все говоримъ: жаль Виктора Дмитриевича? Неужели потому, что не можемъ отрѣшиться отъ взгляда на твое преставленіе лишь какъ на тѣлесную муку и разрушеніе плоти? неужели потому, что мы знали тебя лишь по тѣлесной жизни? Конечно нѣтъ! Напротивъ, ты будучи во плоти, настолько жилъ не плотью, а духомъ, что все встрѣчавшіеся съ тобою, читавшіе въ твоемъ ясномъ любвеобильномъ взорѣ содержаніе души твоей, — какъ бы не замѣчали на тебѣ твоей плоти. И конечно эта плоть, предлежащая намъ во гробѣ и присужденная нынѣ къ истлѣнію, всего меньше должна удручать насъ скорбью и жалостью. Нѣтъ, не о тебѣ жалѣемъ мы, чистый, христіанскій духъ, отлетающій отъ насъ; жалѣемъ мы о себѣ самихъ, о томъ, что остаемся вдали отъ твоего воспитывающаго, очищающаго и умудряющаго вліянія и примѣра.

Жалѣемъ еще болѣе о томъ, что примѣняя къ себѣ ту участь, которая нынѣ тебя постигла, мы, увы, не находимъ въ себѣ того богатства дѣлъ, идущихъ вслѣдъ за умирающими о Господѣ, и потому страшимся, чтобы день нашего посѣщенія не оказался для насъ днемъ казни. — Тихо жилъ ты между нами и разливалъ свой тихій свѣтъ любви и вѣры; тихо и неожиданно покинулъ ты насъ, какъ бы выйдя отъ насъ въ другую комнату и спокойно предлежа нынѣ во гробѣ, заставляешь насъ еще разъ взглянуть въ собственную душу. Являя намъ на смертномъ ложѣ свой внутренній и внѣшній обликъ, исполненный мира и покоя, ты какъ бы повторяешь намъ слова Спасителя: *„не плачьте обо мнѣ, но плачьте о себѣ самихъ... Ибо если съ зеленующимъ деревомъ это дѣлаютъ, то съ сухимъ что будетъ?“* (Лук. 23, 28. 31). Итакъ, да не возмутятъ твоего желаннаго покоя наши скорбныя слезы! Скорбь наша — о себѣ самихъ, тебя же мы съ надеждою называемъ блаженнымъ, ибо взирая на дѣла твои и на твое ученіе, составлявшее содержаніе твоего духа, дерзаемъ думать, что это ученіе было именно то *„ученіе мудраго“*, которое есть, *„источникъ жизни, удаляющій отъ стѣнъ смерти“* (Притч. 13, 15).

Всмотримся-же, братіе, въ смыслъ этой вѣчной мудрости, которая сроднившись съ духомъ, вложеннымъ въ смертное тѣло, еще на землѣ приобщаемъ этотъ духъ къ вѣчности и съ такимъ миромъ отпускаетъ тѣло въ объятія смерти!.. Поистинѣ, усопшій учитель нашъ, сей смиреннѣйшій христіанинъ-мудрецъ, еще на землѣ жилъ въ вѣчности, а не во времени. Ярче всего такое пареніе его въ предѣлахъ вѣчности проявлялось въ отношеніяхъ усопшаго къ своимъ ученымъ трудамъ и къ ихъ оцѣнкѣ обществомъ. — Когда я занимался философіей, то случалось неразъ, что тщетно проискавъ точнаго и яснаго опредѣленія какой-либо истины умозрѣнія у современныхъ и прежнихъ знаменитостей западнаго міра, я совершенно неожиданно находилъ вполне удовлетворяющій отвѣтъ въ твореніяхъ усопшаго наставника; — отвѣтъ твердый, величественный въ своей скромности и простотѣ, но съ такою неотразимою ясностью раскрывающій читателю свойства человѣческаго духа и законы его познанія и жизни, что авторъ его могъ бы съ полнымъ

правомъ говорить: „*всякъ, иже есть отъ истины, послушаетъ гласа моего*“ (Іо. 18, 37). Тогда-то, бывало, я изумлялся, почему-же такъ мало извѣстны людямъ эти отвѣты, эти разрѣшенія философскихъ споровъ, изъ коихъ нѣкоторымъ былъ бы положенъ конецъ, еслибы творенія Виктора Дмитриевича были распространены шире. Какъ, бывало, я негодовалъ на равнодушіе къ нимъ нашихъ соотечественниковъ! съ какою горечью говорилъ всемъ, что они достойнѣе извѣстности, чѣмъ знакомые всей Европѣ труды современныхъ германскихъ мыслителей, и что та-же Германія, увидѣвъ ихъ на своемъ нарѣчїи, конечно поспѣшила бы ихъ прославить по достоянію, а всѣ образованныя страны Европы перевели бы ихъ на свои нарѣчїя, послѣ чего и русское общество удѣлило-бы трудамъ почившаго несравненно болѣе вниманія, чѣмъ нынѣ, когда они почти не идутъ далѣе сферы духовныхъ. Какъ возмущало меня продолжавшееся и послѣ обнародованія трудовъ усопшаго слѣпое самопревозношеніе совершенно разбитыхъ имъ системъ позитивизма и полуматеріализма въ русской печати, нагло провозглашавшихъ себя послѣдними словами науки! Тогда мнѣ казалось, что нашъ усопшій наставникъ, при видѣ такого неодолимаго упорства лжи, долженъ бы постоянно носить въ себѣ чувство непримиримаго негодованія на людей, на міръ, на жизнь. Но вотъ чрезъ нѣсколько лѣтъ я увидѣлъ тебя, философъ — христіанинъ! увидѣлъ спокойнаго, мирнаго, любящаго, снисходящаго. Ни тѣни ожесточенія, ни звука жалобы на превозношеніе слѣпаго невѣжества подъ личиною науки! Впрочемъ далека ты остался и отъ равнодушія къ раскрытію истины. Твое перо продолжало до самой смерти начертывать новыя и новыя ея обоснованія и разъясненія: *тобой руководило убѣжденіе, что истина сама собою побѣждаетъ*. Въ этомъ-то жизненномъ убѣжденіи ты показалъ, что духъ твой живетъ не временнымъ, но вѣчнымъ. Потому-то и встрѣчалъ ты спокойно общественное вліяніе твоихъ философскихъ противниковъ, сильныхъ однимъ упорствомъ въ невѣжествѣ, — что ты смотрѣлъ на дѣло истолкованія истины, какъ на дѣло въ себѣ самомъ заключающее жизнь и побѣду. Такъ понимать свое жизненное призваніе могутъ только истинно вѣрующіе христіане, знающіе, что истинное ученіе подобно зерну

горчичному, „которое хотя меньше всѣхъ стѣмянъ, но когда выростетъ, бываетъ больше всѣхъ злаковъ и становится деревомъ, такъ-что прилетаютъ птицы небесныя и укрываются въ вѣтвяхъ его“ (Матѳ. 13, 32).

О братіе, да будутъ-же наши умы, наши души этимъ деревомъ, выростающимъ надъ умершимъ по тѣлу и полагающимся нынѣ въ землю зерномъ истинной философіи! Какъ завидна участь того ума, того духа, которому почти нечего терять при смерти тѣлесной, котораго духовная жизнь, причастившаяся познанію и раскрытію вѣчной истины, — даже на землѣ приобщается вѣчности, даже на землѣ-же имѣетъ прочную продолжаемость послѣ смерти чрезъ вліяніе на другихъ! Конечно не многимъ изъ насъ суждено быть самостоятельными мыслителями — философами: но всѣ мы, учившіеся по твореніямъ усопшаго наставника, имѣемъ возможность ясно, сознательно и неотразимо-убѣдительно усвоить истину, истинную мудрость и распространять между людьми сознательную убѣжденность въ бытіи и свойствахъ главнаго предмета ея изученія — Господа Бога. Если не будемъ поступать такъ, то будемъ виновны предъ Господомъ и предъ почившимъ почти такъ-же, какъ тѣ писатели отрицательнаго направленія, которые не хотѣли знать его трудовъ. Послѣдніе виноваты въ намѣренномъ коснѣніи въ невѣріи, но предосудительна была-бы въ ученикахъ философа-христіанина, призванныхъ къ дѣлу христіанскаго просвѣщенія, предосудительна была-бы въ нихъ и косность въ вѣрѣ слѣпой, содержимой лишь по обычаю, по привычкѣ, когда предъ ними всѣ средства, чтобы обосновать вѣру сознательно и затѣмъ передавать сознанію ближнихъ.

Но да не будетъ такъ! Не намъ конечно, усопшій другъ и учитель, не намъ, свидѣтелямъ твоего славнаго исхода, отрекаться отъ приобщенія къ познанію вѣчной истины чрезъ твои творенія! Мы будемъ изучать ихъ, будемъ сознательно проникаться истиною Божіею и, проникаясь ею, будемъ еще на землѣ по твоимъ стезямъ вступать въ вѣчную жизнь, дабы не съ скорбію и не со страхомъ взирать на отходящихъ въ вѣчный покой, но съ надеждою, съ молитвою и съ воспоминаніемъ словъ Христовыхъ, столь справедливо примѣнимыхъ къ тебѣ усопшій наставникъ и другъ, — тѣхъ словъ, которыя сказалъ Господь при по-

добной-же разлукѣ съ близкимъ сердцу челоуѣкомъ: „*Азъ есмь воскресеніе и животъ: вѣруй въ Мя, аще и умретъ, оживетъ; и всякъ живой и вѣруй въ Мя, не умретъ во вѣки*“ (Іо. 11, 26). Аминь.

С Л О В О

сказанное во время причастнаго стиха профессоромъ Д. Ѳ. Голубинскимъ.

Блаженъ мужъ бояйся Господа, въ заповѣдехъ Его восхождеть злыя (Псал. 111, 1).

Глубоко знаменателенъ сохраняющійся въ православной Церкви обычай чтенія Псалмовъ, вмѣстѣ съ заупокойными молитвами, совершаемаго какъ при останкахъ почившихъ братьевъ нашихъ, такъ и послѣ ихъ погребенія. Сколько умиряетъ скорбящую душу соединенное съ чтеніемъ Псалтиря поминовеніе усопшихъ, — это опытно знаютъ люди, прибѣгавшіе къ сему средству утѣшенія.

Внезапная кончина дорогаго наставника и сослуживца нашего и, можно сказать, образца мудрости, Виктора Димитріевича Кудрявцева поразила насъ тяжелою горестью. Въ словѣ Божіемъ, особенно въ Псалмахъ, поищемъ для себя утѣшенія.

Сорокъ три года прошло съ тѣхъ поръ, какъ прибылъ въ нашу Академію Викторъ Димитріевичъ. Можно было замѣчать, что съ раннихъ лѣтъ своей дѣятельности онъ уразумѣлъ и прилагалъ къ жизни ту великую истину, что *начало премудрости страхъ Господень* (Притч. 9, 10).

Когда челоуѣкъ усердно старается о томъ, чтобы правильно опредѣлить лежація на немъ обязанности, а потомъ напрягаетъ всѣ силы къ добросовѣстному ихъ исполненію, то въ этомъ заключается великая добродѣтель, и притомъ такая, которую люди не всегда замѣчаютъ и оцѣнивають. Постоянная покорность волѣ Божіей въ исполненіи обязанностей, какія въ то или другое время Провидѣніемъ были возлагаемы на Виктора Димитріевича, являлась какъ его отличительное качество отъ времени поступленія въ Академію до самой кончины. Поистинѣ о немъ можно повторить слова Псалма: *блаженъ мужъ, болющийся Господа и крѣпко любящій заповѣди Его*.

Поступивъ въ Академію въ 1848 году, Викторъ Димитріевичъ необыкновенными дарованіями своими, трудолюбіемъ и скромностію обратилъ на себя общее вниманіе наставниковъ, которые и въ то время усматривали въ немъ великаго мыслителя. Его прилежаніе заслуживало особеннаго уваженія и потому, что онъ не отличался крѣпкимъ здоровьемъ, а иногда подвергался болѣзнямъ.

По окончаніи курса онъ опредѣленъ былъ на должность преподавателя въ Академіи Ветхозавѣтной Библейской Исторіи и Греческаго языка.

Должно замѣтить, что въ тѣ времена господствовало какое то особенное увлеченіе мнѣніями Германскихъ философовъ, которое отчасти проникало и въ стѣны Академіи. Нѣкоторые изъ насъ предполагали, что новый преподаватель будетъ пользоваться философскими взглядами при объясненіи значенія событій Ветхозавѣтной Исторіи. Но такія предположенія оказались напрасными.

31 октября 1852 года мы собрались въ первый разъ слушать лекціи новаго наставника нашего. Тогда же онъ прямо заявилъ намъ, что характеръ его лекцій будетъ строго историческій, что онъ будетъ стараться раскрывать именно то значеніе событій Ветхозавѣтной Исторіи, какое даетъ сама Библия. Три слѣдующія лекціи Виктора Димитріевича были особенно занимательны для насъ потому, что, обладая свѣдѣніями по естественнымъ наукамъ, онъ основательно и вмѣстѣ весьма ясно излагалъ и опровергалъ мнѣнія невѣрующихъ ученыхъ по вопросамъ о сотвореніи человѣка и о всемірномъ потопѣ. Далѣе онъ переходитъ къ вопросу о призваніи Авраама и къ послѣдующимъ событіямъ. Лекціи нашего наставника были для насъ увлекательны по живости разсказа, по основательности и ясности выводовъ и даже по самому произношенію. Историческій характеръ ихъ былъ строго выдержанъ до конца. Но не долго Виктору Димитріевичу пришлось потрудиться на этомъ поприщѣ. Промысломъ Божиимъ онъ вскорѣ призванъ былъ къ трудамъ другаго рода.

Блаженной памяти родитель мой, Протоіерей Θεодоръ Александровичъ Голубинскій, тридцать шесть лѣтъ преподававшій философскія науки въ нашей Академіи, чувствуя большой упадокъ силъ, нашелъ необходимымъ для себя

лѣтомъ 1854 года просить увольненія отъ должности. А самымъ достойнымъ преемникомъ себѣ онъ считалъ Виктора Димитріевича. Ибо зналъ его съ самыхъ лучшихъ сторонъ не только какъ студента и сослуживца, но и какъ домашняго учителя своего младшаго сына, котораго преждевременною кончиною были надломлены силы любящаго Родителя. Съ его мнѣніемъ согласны были и академическое Начальство и приснопамятный почившій Архипастырь нашъ митрополитъ Филаретъ, который еще при окончаніи Викторомъ Димитріевичемъ курса въ Академіи обратилъ на него особенное вниманіе *). Живо припоминаю, какъ лѣтомъ 1854 года къ Родителю моему приходилъ его преемникъ, который тогда надѣялся начать новыя труды подъ руководствомъ своего предшественника. Но эта надежда не исполнилась. Въ августѣ того же года скончался Протоіерей Ѳеодоръ Александровичъ. Его преемникъ долженъ былъ трудиться самостоятельно.

Въ продолженіе тридцати семи лѣтъ Викторъ Димитріевичъ преподавалъ философскія науки. Оцѣнку философскихъ его трудовъ я долженъ предоставить людямъ болѣе меня опытнымъ въ этомъ дѣлѣ. Съ своей стороны могу сказать немногое.

Въ словѣ Божіемъ мы находимъ такія изреченія: *услышите премудрость, и умудритесь, и не отмените. Блаженъ мужъ, иже послушаетъ мене, и человекъ, иже пути моя сохранитъ* (Притч. 8, 33, 34). Вниманіе къ глаголамъ Божественной премудрости, стараніе руководствоваться ученіемъ Откровенія было правиломъ ученой дѣятельности Виктора Димитріевича.

Громадный требовался отъ него трудъ для изученія и правильной оцѣнки произведеній человѣческой мудрости. Но сколь благотворенъ можетъ быть таковой трудъ, — это объясняетъ Григорій Богословъ, говоря такъ въ надгробномъ словѣ Василию Великому:

„Полагаю же, что всякій имѣющій умъ признаетъ первымъ для насъ благомъ ученость, и не только сію благороднѣйшую и нашу ученость, которая, презирая всѣ укра-

*) Исторія Московской Духовной Академіи Прот. С. К. Смирнова. Москва 1879 года. Стран. 230.

шенія и плодovitость рѣчи, емлется за единое спасеніе и за красоту умосозерцаемую, но и учепость выѣшнюю, которую многіе изъ Христіанъ, по худому разумѣнію, гнушаются, какъ злохудожною, опасною и удаляющею отъ Бога... Въ наукахъ мы заимствовали изслѣдованія и умозрѣнія, но отринули все то, что ведетъ... къ заблужденію. Мы извлекали изъ нихъ полезное даже для самаго благочестія, чрезъ худшее научившись лучшему, и немощь ихъ обративъ въ твердость нашего ученія *).

Эти свѣтлыя воззрѣнія всеменскаго Учителя постоянно осуществлялъ въ своей ученой дѣятельности приснопамятный паставникъ.

Справедливо находить указаніе на труды благопамѣренныхъ ученыхъ въ такомъ изреченіи Господа нашего Иисуса Христа: *всякъ книжникъ научився царствію небесному, подобенъ есть человеку домовити, иже износитъ отъ сокровища своего новая, и ветхая* (Матт. 13, 52). Образецъ этого хозяина, обогащеннаго сокровищами знанія, изученіемъ трудовъ и новыхъ и древнихъ искателей истины, мы видѣли въ Викторѣ Димитріевичѣ. Но особенно дорого въ его урокахъ было то, что они научнымъ путемъ приводили къ разумному убѣжденію въ истинахъ Христіанской Религіи. Да, надъ его предшественникомъ и надъ нимъ сбывается изреченіе Псалма, взятаго въ основаніе этого слова: *сильно на земли будетъ сѣмя его: родъ правыхъ благословится* (Псал. 111, 2). Многочисленъ сонмъ ихъ учениковъ. Лучшіе изъ воспитанниковъ Академіи своею основательностію много обязаны философскимъ урокамъ.

Время уже перейти и къ другимъ заслугамъ почившаго. Обратимся къ тому же Псалму. *Благъ мужъ щедра и даа, устроитъ словеса своя на судъ: яко въ вѣкъ не подвижится. Въ память вѣчную будетъ праведникъ* (ст. 5 и 6). Велика, но вмѣстѣ разумна и цѣлесообразна была благотворительность Виктора Димитріевича. Достаточно указать на одно дѣло особенно близкое къ намъ.

21 октября 1877 года мы праздновали двадцатипятилѣтіе еге ученой службы. Въ этотъ самый день Отецъ Ректоръ

*) Творенія Григорія Богослова въ Русскомъ переводѣ, часть 4, стран. 64, 65.

Михаилъ высказалъ въ его домѣ мысль о нуждѣ открыть общество для пособія нуждающимся студентамъ подъ именемъ Братства Преподобнаго Сергія. Въ сентябрѣ 1880 года оно было открыто. Съ самаго начала его до конца своей жизни Викторъ Димитріевичъ принималъ самое дорогое участіе въ дѣлахъ Братства. Заслуга эта во вѣки незабвенна.

Много скорбей онъ перенесъ въ настоящемъ году. Въ началѣ года скончалась его супруга, за симъ послѣдовали кончины и другихъ близкихъ родныхъ. Но и при скорбяхъ онъ продолжалъ усердно трудиться на пользу ближнимъ. Удивительнымъ терпѣніемъ своимъ онъ какъ бы взывалъ ко Господу Богу: *Твой есмь азъ, спаси мя: яко оправданій Твоихъ взыскахъ* (Псал. 118, 94).

Какъ истинный Христіанинъ, почившій наставникъ и сослуживецъ нашъ отличался обиліемъ любви ко всѣмъ, миролюбіемъ и глубокимъ смиреніемъ. Онъ твердо содержалъ въ душѣ тѣ истины, что человекъ не можетъ получить оправданія и спасенія своими заслугами, *но токмо вѣрою Іисусъ Христовою* (Гал. 2, 16), и что только *кровь Іисуса Христа Сына Божія очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха* (1 Іоан. 1, 7). Для насъ Викторъ Димитріевичъ былъ примѣромъ усердія къ Церкви: мы живые свидѣтели его глубокаго благоговѣнія особенно при Литургіи. И долго намъ будетъ памятенъ образъ благоговѣйнаго старца, усердно молившагося на своемъ обычномъ мѣстѣ за клиросомъ сего святаго храма.

Уповаемъ, что и надъ нимъ исполнилось слово Божіе: *блаженнѣи мертви умирающіи о Господь отъ нынѣ. Ей, глаголетъ Духъ, да почіютъ отъ трудовъ своихъ* (Апок. 14, 13). Аминь.

Р Ѣ Ч Ъ,

сказанная предъ отиѣваніемъ профессоромъ В. А. Соколовымъ.

„У кого, возлюбленные мои, достанетъ силъ составить плачевную пѣснь?.. Великое горе, потому что рушилась наша ограда. Палъ столпъ, который держалъ на себѣ тяжесть всего служенія; угасъ нынѣ свѣтильникъ, который

во всякое время изливалъ на насъ свѣтъ свой. Спала съ насъ лучшая діадема — превосходнѣйшее украшеніе нашего вѣнца“. (Твор. Ефр. Сир. ч. VI стр. 15). Такъ скорбѣлъ великій подвижникъ, оплакивая кончину своего духовнаго вождя, и не то-же ли скажетъ каждый изъ насъ, стоя при этомъ безопадноиъ гробѣ?! Палъ нашъ столпъ! Угасъ нашъ свѣтильникъ! Шѣтъ больше нашего превосходнѣйшаго украшенія! Осиротѣла, возлюбленные мои, осиротѣла наша академія; — осиротѣла такъ, что едва-ли удастся ей скоро оправиться отъ ужасной потерп. Какъ во время бывое имя Московскои академіи неразрывно связано было съ славнымъ именемъ Александра Васильевича, такъ въ послѣдніе десятки лѣтъ оно тѣсно сроднилось съ не менѣе славнымъ именемъ Виктора Дмитріевича, и всякій, кто знаетъ и помнитъ доселѣ Московскую академію, знаетъ и помнитъ ее не иначе, какъ вмѣстѣ съ дорогимъ именемъ профессора Кудрявцева. Не потому онъ такъ дорогъ намъ, что почти сорокъ лѣтъ, — всю трудовую жизнь свою, посвятилъ на служеніе академіи, не потому что стоялъ всѣ эти годы во главѣ той области знаній, которая, вмѣстѣ съ богословіемъ, искони составляла основу духовнаго, академическаго образованія, а потому, что онъ былъ именно тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, что онъ являлъ собою драгоценный и рѣдкій примѣръ истиннаго философа-христіанина. Въ немъ, можно сказать, „премудрость созда себѣ домъ“. (Притч. 9, 1). Не мудрость вѣка сего, а „премудрость яже свыше“ (Іаков. 3, 17), — та премудрость, которая, по словамъ Апостола, *чиста, мирна, скромна и безпристрастна*. И въ наукѣ и въ жизни, во всемъ своемъ умственномъ и правственномъ обликѣ, съ удивительною цѣлостностію и полнотою, онъ былъ истиннымъ христіанскимъ мудрецомъ.

„Сзда себѣ домъ“ въ немъ „премудрость чпста!“. Глубоко философски-образованный, тщательно слѣдившій, до послѣднихъ дней своей жизни, за всѣми безконечно-разнообразными обнаруженіями свободной философскои мысли, онъ твердо устоялъ противъ всякихъ соблазновъ и увлеченій, такъ обычныхъ и естественныхъ въ его наукѣ. Началомъ его премудрости былъ страхъ Господень (Притч. 9, 10), и онъ не только до конца свято сохранилъ чистоту своей религіозной философіи, но даже чѣмъ дальше, тѣмъ

тверже стояла она въ его убѣжденіи, тѣмъ болѣе широко развитою и всестороннѣ обоснованною являлась она въ его твореніяхъ. Философствующая мысль не подрывала, какъ это часто бываетъ, а, напротивъ, питала и поддерживала въ немъ живое религіозное чувство. Взгляните на этотъ, всѣмъ намъ хорошо знакомый уголокъ нашего академическаго храма, — взгляните и припомните, какъ рѣдко случалось, чтобы въ часы богослуженій не видѣлся здѣсь нашъ дорогой философъ, служившій всегда для всѣхъ насъ образцомъ строго-сосредоточеннаго, молитвеннаго настроенія. Увы, опустѣлъ теперь этотъ уголокъ, но свѣтлый образъ философа-христіанина никогда не изгладится въ нашей памяти. — Доброе древо приноситъ лишь добрый плодъ; чистая, христіанская мудрость почившаго, руководившая имъ въ жизни, отображалась и въ безукоризненной чистотѣ его поступковъ. Многіе годы стоялъ онъ такъ или иначе во главѣ нашей академіи, принимая самое близкое участіе во всѣхъ дѣлахъ ея управленія. Большое значеніе имѣлъ всегда его авторитетный голосъ и не мало разныхъ практическихъ вопросовъ, сомнѣній и недоразумѣній приходилось разрѣшать ему. Конечно, какъ человѣкъ, онъ не чуждъ былъ ошибокъ, но такова была высота его нравственнаго авторитета, такъ сильна была всеобщая вѣра въ благородство его характера, что никому изъ насъ и на мысль не приходило когда-либо заподозрить чистоту его намѣреній. Всякія низменныя побужденія самолюбія или честолюбія для него какъ-бы не существовали; онъ былъ выше всякихъ подозрѣній, и такіа подозрѣнія не смѣли его коснуться.

Чистая, христіанская мудрость его была и „мирна“ и „скромна“. Безконечная доброта и деликатность переполняла все его существо, сквозила въ каждомъ словѣ и движеніи, ярко свѣтила и во взглядѣ его чудныхъ очей. Закрылись теперь эти чудныя очи; но, испытавъ хотя разъ, никогда не забудешь чарующую силу ихъ милаго, безпредѣльно-кроткаго взгляда. Трудно даже представить себѣ, чтобы почившій кому-либо могъ причинить обиду не только дѣломъ, но даже хотя-бы единымъ словомъ. Кроткое, любящее сердце его не терпѣло разъединенія и непрязни; ради мира онъ очень многое былъ способенъ простить и многимъ готовъ былъ пожертвовать, Прости-же и насъ те-

перь, незабвенный наставникъ, прости что иногда мы не способны были возвыситься до твоего незлобія. Въ обычныхъ житейскихъ столкновеніяхъ съ разнаго рода неправдой намъ иногда хотѣлось видѣть въ тебѣ передоваго энергичнаго борца и, увлекаясь, подѣ-часъ мы склонны были назвать слабостью твою всепрощающую христіанскую кротость. Прости-же насъ и повѣрь, что, даже и сѣтуя, мы высоко цѣнили твою доброту, невольно преклонялись предъ силой твоего незлобія.

Всегда готовый простить ошибки и недостатки другихъ, почившій какъ-будто совѣмъ и видѣть не хотѣлъ своихъ собственныхъ высокихъ достоинствъ; такъ „скромна“ была его христіанская мудрость. Щедро наградилъ его Господь своими духовными дарами, пять талантовъ Онъ далъ ему, а ревностнымъ трудомъ цѣлой жизни онъ еще приумножилъ ихъ и приобрѣлъ другіе пять. Съ первыхъ-же лѣтъ своего общественнаго служенія онъ безъ устали работалъ надъ своею наукой и только смертная болѣзнь положила предѣлъ его непрерывному труду. Онъ палъ какъ воинъ на полѣ брани, съ оружіемъ въ рукахъ. Лишь за пять дней до смерти юные питомцы еще назидались его мудрымъ словомъ, которое, ни для кого нежданно-пегаданно, оказалось прощальнымъ; лишь на смертномъ одрѣ перо выпало изъ руки его, а послѣдніе труды его даже и не успѣли еще появиться въ печати. Длинный рядъ ученыхъ произведеній былъ плодомъ его многолѣтней, неустанной работы, и стяжалъ онъ себѣ почетное имя. Высокій талантъ и учепость почившаго встрѣтили всеобщее, единодушное признаніе. Почтилъ его съ высоты монаршаго престола Самъ Царь-Освободитель, избравъ наставникомъ Своего державнаго первенца. Почтенъ онъ былъ по своимъ заслугамъ многими высокими знаками царской милости. Чтила его наука, ибо не было и нѣтъ такого русскаго философа и богослова, который не зналъ-бы трудовъ Кудрявцева и не относился бы къ нимъ съ должнымъ уваженіемъ. Гордились духовные журналы, когда на ихъ страницахъ появлялись его труды. Высоко, признательно читали и чтятъ своего дорогаго наставника многочисленные питомцы нашей академіи, разсѣянные по всѣмъ концамъ земли русской, на всѣхъ поприщахъ общественнаго служенія. Какъ-бы ни былъ кто изъ нихъ

высоко поставленъ судьбою: но, посѣщая посадъ, всегда считалъ своимъ священнымъ долгомъ побывать у Виктора Дмитриевича, выразить ему свое глубокое почтеніе и признательную память. Никогда мы не забудемъ, наконецъ, тѣхъ отрадныхъ часовъ, какіе пришлось намъ пережить въ знаменательный день 25-лѣтняго юбилея нашего дорогого философа *). Это было великое торжество ученой и нравственной силы, многочисленныя вещественныя памятники котораго доселѣ сохраняются и навсегда сохранятся на память потомству. Вотъ какой облакъ свидѣтелей превозносилъ и превозноситъ имя почившаго, но его мудрость была „скромна“. Всѣ преклонялись предъ его талантомъ, но самъ онъ какъ-будто не хотѣлъ и видѣть его въ себѣ. Всѣ имъ гордились, и только самъ онъ собою не гордился ни мало. Ни всеобщее уваженіе и почетъ, ни высота общественнаго положенія не въ силахъ были смутить его истинно-христіанскую скромность. Ни единымъ словомъ онъ не обмолвился о своихъ заслугахъ, никогда и ничѣмъ не далъ кому-либо почувствовать своего превосходства. Одна лишь чарующая безпредѣльная кротость и ласка свѣтила во всемъ его существѣ.

И не для избранныхъ только, не для угодныхъ и пріятныхъ ему эта ласка была удѣломъ; нѣтъ, — его христіанская мудрость не знала пристрастія; стоялъ онъ выше всякихъ личныхъ счетовъ и пререканій. Съ полнымъ уваженіемъ относясь ко всякому чужому мнѣнію, онъ повиновался лишь тому, что внушала ему его собственная совѣсть, но никакое разномысліе и разногласіе не способно было заставить его уклониться отъ обычнаго, неизмѣннаго радушія ко всѣмъ и каждому. И согласный съ нимъ во мнѣніяхъ и несогласный, и высшій и низшій, и старый и юный одинаково спѣшили къ нему за совѣтомъ и руководствомъ, и всѣмъ онъ готовъ былъ помочь, всѣхъ встрѣчалъ съ одинаковой обаятельной лаской. Не было и нѣтъ у насъ другаго такого дома, гдѣ всѣмъ-бы дышалось такъ легко, гдѣ всѣ-бы сходились такъ мирно и дружно, какъ это постоянно бывало въ радушномъ

*) Съ рѣдкимъ единодушіемъ окружили его тогда тѣсною толпою его питомцы и почитатели, кругомъ обложили подарками, засыпали советѣмъ всякаго рода привѣтствіями.

домъ дорогаго Виктора Дмитріевича. Не случайно всё мы привыкли проводить вечеръ нашего академическаго праздника именно въ этомъ гостепріимномъ домѣ; въ свѣтлой личности его хозяина мы видѣли центръ всёхъ примиряющей, все связующей, объединяющей и ободряющей великою силой своей чистой, мирной, скромной и безпристрастной христіанской мудрости, аже „свыше“.

И вотъ, возлюбленные мои, осиротѣли мы! Паль ты, нашъ столпъ; угась ты, нашъ свѣтильникъ; не свѣтятъ больше твои чудныя очи!

— Нѣтъ у меня такихъ словъ, которыми можно было-бы хотя въ слабой мѣрѣ изобразить твой высокій умственный и нравственный образъ! Нѣтъ во всемъ мірѣ такихъ цвѣтовъ и вѣнковъ, которые въ состояніи были-бы выразить переполняющія насъ чувства! Да не въ словахъ и не въ вѣнкахъ тутъ дѣло! Пусть дѣла наши покажутъ, что сѣмя чистой христіанской мудрости, тобою посѣянное, пало въ насъ не на каменистую почву! Пусть дѣла наши покажутъ, что добрый примѣръ твоей жизни не всеу стоялъ предъ нашимъ взоромъ. Да будетъ тебѣ это лучшимъ монументомъ, и не уста только наши, а дѣла пусть неумолчно гласятъ тебѣ „вѣчную память“!

Р ъ Ч Ъ,

сказанная во время отпѣванія Доцентомъ А. Д. Бѣляевымъ.

При жизни своей ты, нашъ незабвенный руководитель и соратникъ въ ученой богословско-философской дѣятельности, не любилъ похвалъ, не искалъ почестей и боязливо убѣгалъ отъ славы человѣческой. Вспоминая тишину твоей жизни, внемля настоящему твоему гробовому молчанію, приличіе было бы почтить твои дарованія и познанія, добродѣтели и труды не краснорѣчіемъ, а самоуглубленнымъ размышленіемъ и благоговѣйнымъ безмолвіемъ молитвы. Но чувства уваженія и любви къ тебѣ, а еще и сознаніе тяжелой утраты, понесенной въ твоей смерти нами, Академіей и русской наукой, невольно вызываютъ слово. Ставши

обитателемъ иного, высшаго міра, ты теперь еще меньше нуждаешься въ прославленіяхъ, чѣмъ сколько дорожилъ ими при жизни; но воздать тебѣ заслуженныя тобою похвалы обязываетъ насъ нравственный долгъ. Тебѣ твои добродѣтели и заслуги нужны для оправданія предъ нелицеприятнымъ судомъ Божиимъ, а намъ рѣчь о нихъ полезна для нашего назиданія.

Знаменитые древніе философы, и въ особенности славнѣйшій изъ нихъ Платонъ, идеаль умственного и нравственнаго совершенства человѣка полагали въ четырехъ философскихъ добродѣтеляхъ: мудрости, умѣренности, справедливости и мужествѣ. Бывши въ своихъ академическихъ чтеніяхъ и въ своихъ сочиненіяхъ превосходнымъ истолкователемъ и строгимъ судьей философскихъ ученій, почившій нашъ наставникъ и собратъ въ своей жизни осуществилъ, по мѣрѣ данныхъ ему отъ Бога силъ и способностей, философскія добродѣтели. Бывши настоящимъ философомъ въ своей долготѣпней ученой дѣятельности, онъ былъ истиннымъ философомъ и въ своей жизни, въ добродѣтели.

Прежде всего онъ стяжалъ главную философскую добродѣтель—мудрость, этотъ чрезвычайно рѣдкій и безцѣнный даръ Божій и вмѣстѣ плодъ неустаннаго бодрствованія, духовнаго и тѣлеснаго, самого человѣка. Мудрость есть господство разума, какъ высшей способности человѣка, надъ всѣми прочими силами и способностями души и тѣла. Кто же другой въ такой мѣрѣ и съ такимъ неослабнымъ постоянствомъ подчинялъ разуму свои мысли и желанія, впечатлѣнія и настроенія, отношенія и дѣйствія, какъ не почившій нашъ наставникъ? Съ юношескихъ лѣтъ и до самой смерти умъ его занимали возвышенныя философскія идеи. Въ своихъ академическихъ чтеніяхъ и въ своихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ по содержанию сочиненіяхъ онъ раскрывалъ ученіе о бытіи, существѣ и свойствахъ Божіихъ, о происхожденіи и гармоническомъ устройствѣ міра, о происхожденіи и единствѣ человѣческаго рода, о промыслѣ Божиемъ и о безсмертіи души, о происхожденіи, сущности и разнообразныхъ видахъ и формахъ религіи, о философій и способахъ познанія—умозрительномъ и опытнымъ. Кромѣ положительнаго раскрытія философскихъ и религіозныхъ истинъ онъ далъ истинно-философскій разборъ

атеизма, матеріализма, скептицизма, пантеизма, тензма, позитивизма и дарвинизма. Строгость и выдержанность плана, необычайная послѣдовательность теченія мыслей, твердость доказательствъ и логичность выводовъ, прозрачная ясность мысли, простота и изящество ея выраженія — эти отличительныя достоинства чтеній и сочиненій его сами собою говорятъ о возвышенности и силѣ его разума. Погружаясь въ философскія размышленія, увлекаемый созерцаніемъ высшихъ истинъ и идей, разумъ его еще при жизни далеко возвышался надъ мелочными интересами будничной жизни, и душѣ его были чужды дразги и злоба дня. И эта философская возвышенность разума отображалась въ его свѣтлыхъ взорахъ, въ его серьезномъ лицѣ и во всей его осанкѣ невозмутимымъ спокойствіемъ, какимъ-то созерцательнымъ безмятежіемъ и тишиной величія серьезной, самоуглубленной мысли.

Философская мудрость рождаетъ умѣренность, а умѣренность служитъ признакомъ мудрости. Такъ это и было въ жизни почившаго. Очень трудно соблюсти мѣру во всемъ и притомъ въ теченіи цѣлой жизни. Тѣмъ не менѣе не легко найти явное излишество въ какой-либо склонности, привычкѣ, или желаніяхъ покойнаго собрата нашего. Его умѣренность обнаруживалась въ патриархальной простотѣ образа жизни, въ лицѣ и питъѣ, въ равнодушіи къ отличіямъ и почестямъ и вообще въ отсутствіи неумѣренныхъ желаній и несбыточныхъ притязаній. Чуждый угрюмой суровости, онъ въ то же время былъ свободенъ отъ увлеченій. Не коснулось его уныніе моднаго теперь пессимизма, не ослѣпилъ его ученый блескъ дарвинизма, были чужды ему ограниченность, низменность и формальная сухость позитивизма. Широкая распротрапенность этихъ ученій на Западѣ и въ Россіи не увлекла его спокойнаго и разсудительнаго ума. Не надломилъ его бодрого характера, не удручала его цѣльной души безплодная міровая скорбь; но онъ не относился равнодушно къ горю и радостямъ, къ заботамъ и потребностямъ окружающихъ. Это былъ ученый безъ педантизма, самоуглубленный мыслитель безъ нелюдимой замкнутости, философъ и человѣкъ.

Мудрому не трудно быть справедливымъ, потому что царственная сила разума гармонически и въ возвышенномъ

тонъ настраиваетъ все способности человѣка, какъ музыкантъ лиру; а философская справедливость именно и есть равновѣсіе всехъ силъ духа и тѣла, воздаяніе каждой изъ нихъ должно. Цѣльность природы и равномѣрность въ развитіи природныхъ дарованій были отличительными свойствами почившаго. Прежде всего равновѣсіе обнаруживалось въ самыхъ свойствахъ его ума. Безспорно, главная сила его ума заключалась въ способности анализа, критики. Но острота его анализа уравнивалась широтой его кругозора, ученымъ тактомъ, мягкостію чувства и безстрастіемъ христіанскаго созерцапія. Отъ того его критика не раздражительна, не задирива, а возвышенно-спокойна; отъ того его анализъ никогда не былъ ни жесткимъ, ни рѣзкимъ; это анализъ не разъедающій и разрушающій, а созидающій; его критика, ниспровергая ложныя философскія и естественно-научныя воззрѣнія, всегда приводитъ къ уясненію и утвержденію положительной истины. Холодъ отвлеченнаго мышленія не угасилъ его душевной теплоты. Его стихіей былъ умственный трудъ; однако онъ не чуждался раздѣлять бесѣду въ кругу родныхъ, друзей и знакомыхъ. По вкусамъ, по характеру дарованій и по служебному призванію онъ былъ кабинетнымъ ученымъ; но, по мѣрѣ силъ, онъ неуклонялся и отъ практической общественной дѣятельности. Такъ, онъ состоялъ сначала Товарищемъ Предсѣдателя, а потомъ Предсѣдателемъ Братства Преподобнаго Сергія для вспоможенія нуждающимся студентамъ Московской Духовной Академіи съ самаго основанія этого Братства до смерти своей. Не было замѣтнаго разлада ни между способностями его духа, ни между его словомъ и дѣломъ, между мыслию и жизнью. Жизнь была отраженіемъ его мысли, мысль—зеркаломъ его жизни. Особенно наглядно справедливость проявлялась въ немъ въ самооцѣнкѣ и въ оцѣнкѣ другихъ людей. О своихъ дарованіяхъ и добродѣтеляхъ, о трудахъ и заслугахъ онъ былъ самаго скромнаго мнѣнія. Объ умственныхъ и нравственныхъ достоинствахъ и недостаткахъ другихъ людей онъ отзывался съ боязливою осторожностію и почти только по требованію служебнаго долга. Въ отзывахъ о диссертацияхъ молодыхъ ученыхъ онъ всегда исполнялъ главное правило критики и ученой справедливости, что сначала и преимущественно

слѣдуетъ указывать достоинства сочиненія, а потомъ недостатки; въ указаніи и оцѣнкѣ достоинствъ сочиненій онъ былъ великодушень и щедръ, а въ критикѣ недостатковъ не придирчивъ, не притязателень, снисходителень; въ его критикахъ никогда не проскальзывало суетное желаніе обнаружить свое умственное превосходство. Недоброжелательство и зависть были совершенно чужды его доброму сердцу, въ своихъ сужденіяхъ объ ученыхъ трудахъ онъ никогда не руководствовался своскорыстными и низменными видами. Впрочемъ, необычайная мягкость характера побуждала его ограничивать строгость справедливости великодушною снисходительностію и уступчивostí.

Мудрому свойственно быть мужественнымъ. Мужество есть благоразумная твердость духа. Геройское мужество воина обнаруживается въ сраженіи; благоразумное мужество мыслителя проявляется въ твердости и стойкости убѣжденій, въ смѣломъ исповѣданіи и безбоязненной защитѣ истины, въ дерзновенной борьбѣ противъ извращающихъ и попирающихъ истину; терпѣливое мужество человѣка испытывается въ болѣзняхъ, несчастіяхъ, гоненіяхъ и другихъ невзгодахъ жизни. Не бывши воиномъ, усопшіи имѣлъ случаи проявить мужество мыслителя и человѣка. Какъ мыслитель, онъ, и съ академической кафедрѣ, и въ своихъ сочиненіяхъ, съ неуклонною послѣдовательностію раскрывалъ свои философскія возрѣнія и, не боясь прослыть во мнѣніи свѣта человѣкомъ отсталымъ, опровергалъ модныя и общераспространенныя, но не основательныя философскія и естественно-научныя гипотезы. Какъ человѣкъ, онъ проводилъ жизнь въ достаткѣ, мирно, окруженный любовью и почетомъ, безъ тяжкихъ испытаній; но за то послѣдній годъ его жизни обрушился на него тяжкимъ бременемъ семейныхъ несчастій. Бѣда одна не приходитъ: горе усилило издавна гнѣздившуюся въ немъ и проявлявшуюся и раньше грудную болѣзнь. Подъ давленіемъ горя и болѣзни тѣнь тихой грусти пала на его лице: вѣдь онъ былъ человѣкъ, и человѣкъ сердца. Движенія сердца человѣка сокрыты отъ постороннихъ взоровъ, и мы не можемъ знать ихъ и говорить о нихъ. Но по крайней мѣрѣ не срывался ропотъ съ его устъ; не покидали его дѣтская кротость и тихость нрава, деликатность и благородство въ обращеніи; по прежнему

онъ спокойно, а иногда и оживленно, бесѣдовалъ съ нами; по прежнему, хотя и чрезъ силу, исполнялъ свои профессорскія обязанности и продолжалъ готовить для печати свои сочиненія. И во время этихъ то, къ сожалѣнью, далеко не окончанныхъ, трудовъ обработки и изданія сочиненій *внезапу найде на него страшный часъ той.*

Мудрость есть вѣнецъ философскихъ добродѣтелей. Но въ христіанствѣ она сама и всѣ прочія добродѣтели увѣнчиваются высшими, такъ называемыми богословскими, добродѣтелями. *Теперь пребываютъ сіи три: вѣра, надежда, любовь* (1 Кор. 13, 13).

Христіанская вѣра, какъ преданность Богу всѣхъ силъ души, безъ колебанія принимаетъ (Евр. 11, 1) и безрепетно исповѣдуетъ (Ис. 115, 1; 2 Кор. 4, 13; Евр. 11, 27) непостижимыя Божественныя истины, между тѣмъ какъ для естественной мудрости онѣ кажутся безуміемъ (1 Кор. 1, 22. 23); на самомъ же дѣлѣ онѣ—*Божія сила и Божія премудрость* (1, 24), *а мудрость міра сего есть безуміе предъ Богомъ* (3, 19). Христіанская вѣра, какъ благодатная сила, творитъ чудеса (Мѡ. 17, 20; 21, 22; Иоан. 14, 12; Дѣян. 3, 16; Евр. 11 гл. и др.), чего естественная мудрость сдѣлать не можетъ. Въ мудромъ она совершаетъ то малозамѣтное, но зато непрестанное чудо, что онъ ни во что вмѣняетъ свою собственную мудрость, покорно преклоняется предъ неисповѣдимыми судьбами промысла Божія (Быт. 22 гл.), смиренно исповѣдуетъ немощность человеческой мудрости для постиженія тайшъ Божественной премудрости (Исх. 3 и 4 гл.; Евр. 11, 23—29) и, вопреки своему закону—достигать истины испытаніемъ, принимаетъ непостижимыя божественныя догматы и обѣтованія съ дѣтскою довѣрчивостію (Быт. 18, 10—14; Рим. 4, 16—25). Мудрость могли приобрѣтать и языческіе философы, хотя дѣйствительно достигали ея только величайшіе изъ нихъ. Но смиренную мудрость можетъ стяжать только философъ—христіанинъ. И нашъ незабвенный философъ обладалъ христіанскимъ смиренномудріемъ въ высокой степени.

Христіанская любовь, совмѣщая всѣ совершенства (Кол. 3, 14), заключаетъ въ себѣ и любовь къ мудрости: она *сорадуется истинѣ* (Кор. 13, 6). Но этого мало. Какъ *путь превосходнѣйшій*, какъ большая изъ всѣхъ добро-

дѣтелей (1 Кор. 12, 31 и 13, 13), любовь, устремляя все существо человѣка къ первоисточнику мудрости — Богу, возвышаетъ и освящаетъ мудрость, возводитъ ее на степень истиннаго Боговѣдѣнія, на недостигаемую для нелюбящихъ высоту жизненнаго общенія человѣка съ Богомъ. *Кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога, потому что Богъ есть любовь; и пребывающій въ любви пребываетъ въ Богъ, и Богъ въ немъ* (1 Иоан. 4, 8. 16). Съ другой стороны, направляя слова и дѣла мудрости на пользу людямъ, любовь оплодотворяетъ ее и ведетъ не къ разрушенію, а къ созиданію общаго блага.—Усопшій по истинѣ достигъ высокаго Богосозерцанія и много послужилъ людямъ своимъ разумомъ, просвѣтленнымъ вѣрой и согрѣтымъ любовью.

И среди язычниковъ бывали люди, столь мудрые, или мужественные, что они безъ стона переносили жестокія муки, безстрашно шли на встрѣчу смерти и покидали жизнь съ невозмутимымъ хладнокровіемъ. Это люди, одаренные необыкновенной силой духа, очень рѣдкіе; это—герои. Но христіанская надежда—это такая могущественная добродѣтель, что воодушевляемые ею,—будь они—даже слабыя жены,—съ свѣтлымъ лицомъ и ясной улыбкой встрѣчаютъ ужасъ подступающей смерти. И мы съ утѣшеніемъ видѣли, что лице нашего незабвеннаго наставника по смерти было такъ же спокойно и безмятежно, какимъ мы привыкли видѣть его при жизни.

Да просіяетъ-же немерцающимъ свѣтомъ во царствіи небесномъ лице новопреставленнаго раба Божія Виктора, сего *младенца на злое, совершеннолѣтняго по уму* (1 Кор. 14, 20), *мужа совершеннаго* въ добродѣтели, *пришедшаго въ мѣру полнаго возраста Христова* (Ефес. 4, 13).

Р Ъ Ч Ъ,

сказанная во время отпѣванія студентомъ 3-го курса
И. Громогласовымъ.

Въ послѣдній разъ Московская академія видитъ въ своихъ стѣнахъ своего славнаго профессора, въ продолженіе многихъ лѣтъ бывшаго ея дорогимъ украшеніемъ, составлявшаго гордость и славу ея. Въ послѣдній разъ ученики съ прежнею любовью, но и съ горечью въ сердцѣ столпились

вокругъ своего великаго учителя, бывшаго для нихъ „апостоломъ правды и науки“. Не тотъ онъ теперь, какимъ издавна знаетъ его родная академія и кругъ его слушателей! Умолкъ неустаннѣй глашатай истины, возвѣщавшій ее и устно, и печатно всѣмъ жаждавшимъ ея. Недвиженъ лежитъ предъ нами тотъ, кто много лѣтъ былъ мощнымъ двигателемъ русской философской мысли. Отшелъ изъ жизни тотъ, кто и словомъ, и примѣромъ училъ насъ истинной жизни, кто возвѣщалъ намъ истину безсмертія и кто болѣе всѣхъ заслужилъ его своими великими научными подвигами. Непробуднымъ сномъ спитъ тотъ, кто умѣлъ пробуждать въ насъ лучшія стремленія и запросы нашего духа. Угасъ ясный свѣтильникъ правды, свѣтившій намъ своимъ тихимъ и чистымъ свѣтомъ и зажигавшій искру Божью въ сердцахъ нашихъ. Оставилъ свою академію тотъ, кто не хотѣлъ оставить ее, не смотря на неоднократные призывы къ иному, болѣе блестящему поприщу дѣятельности... Чье сердце не переполнено скорбью о невознагражденной потерѣ, понесенной нами? какое слово достаточно, чтобы выразить всю тяжесть ея? „Отче мой, отче мой! колесница израилева и конница!“ — въ скорби души своей восклицалъ нѣкогда ученикъ великаго пророка Божія, видя возносімаго отъ земли учителя своего и думая, что вмѣстѣ съ нимъ навсегда отнимается духовная крѣпость Израиля; на утѣшеніе въ великой скорби своей скорбѣвшій получилъ сугубую благодать, бывшую на учителѣ... Отче нашъ, мудрый руководитель нашъ, великій учитель нашъ! не о сугубой силѣ мудрости и вѣры, пребывавшей въ тебѣ, просимъ мы, ибо это было бы слишкомъ много; но да пребудетъ духъ твой всегда между нами! Оставленные тобою безсмертные труды твои да будутъ постояннымъ жизненнымъ руководствомъ и наставленіемъ, свѣтлымъ малкомъ, указывающимъ путь къ тихой пристани, которой ты уже достигъ. Да будетъ вѣчно памятенъ всѣмъ знавшимъ тебя чистый образъ твой, — образъ идеальнаго человѣка и великаго дѣятеля великой „науки наукъ“; да будетъ онъ всегда свято хранимъ въ сердцахъ учениковъ твоихъ, и да пребудешь ты всегда для насъ примѣромъ и руководителемъ въ жизни и въ честномъ служеніи истинѣ.

Р Ъ Ч Ъ

сказанная во время оти́вванія студентомъ 2-го курса Л.
Соколовымъ.

Братья товарищи!

Предъ нами гробъ, заключающій въ себѣ бранные останки дорогого наставника нашего, оставившаго этотъ мѣръ печали, слезъ и никогда не удовлетворяемыхъ искапій. Собрались мы сюда, чтобы отдать послѣднее цѣлованіе нашему дорогому и приснопамятному почившему, чтобы христіанскимъ погребеніемъ проводить въ загробную, вѣчную и безсмертную жизнь этого истинно-вѣрующаго христіанина. Замерли вѣщавшія истинную мудрость уста его, онѣмѣлъ языкъ, источавшій потоки духовной мудрости, закрылись глубокіе, полные жизненнаго смысла глаза его.

Скорбь при видѣ смерти мужа мудраго и доблестнаго поборника истины весьма естественна. Благо челоуѣчества зиждется на этихъ великихъ духомъ людяхъ. Мужъ совѣта и крѣпости, мужъ нравственной силы и устойчивости влагаетъ въ жизнь нравственную мощь, даетъ ей толчекъ по направленію къ истинной цѣли жизни. Челоуѣческое благо создается не столько словомъ и проповѣдью, сколько дѣятельнымъ осуществленіемъ истины въ нашей жизни. Для блага челоуѣчества пужны люди дѣла, а не одного только слова. Такимъ-то мужемъ совѣта, такимъ дѣятельнымъ проводникомъ въ жизнь нравственныхъ началъ былъ среди насъ нашъ приснопамятный почившій.

Для насъ съ вами, возлюбленные братья, смерть Виктора Дмитріевича есть чрезвычайно тяжелая утрата, потому что мы потеряли философа христіанина, надежнаго руководителя нашихъ мыслей. Онъ былъ нравственно-религіознымъ вождемъ нашимъ, спасшимъ, можетъ быть, нѣ одну юную душу отъ нравственныхъ паденій. Не только въ своихъ философскихъ воззрѣніяхъ, но и въ самой жизни своей, дѣятельнымъ выраженіемъ и осуществленіемъ своихъ убѣжденій, приснопамятный Вик. Дмитр. ^дучилъ насъ, наглядно показывалъ намъ, что религіозныя стремленія въ челоуѣкѣ столько же законны, какъ и научныя. Мало того, своимъ примѣромъ онъ показалъ, что тѣ и другія стремленія со-

единены между собою тѣсно и неразрывно. Покойный завѣщаль намъ, что знаніе безъ вѣры невозможно, какъ растеніе безъ корня, что религія и наука родственны другъ другу и должны быть въ тѣсномъ взаимномъ союзѣ. Понятія: философъ-христіанинъ, на языкѣ обюродѣвшей мудрости непримиримыя, объединяются въ великой личности нашего дорогаго усопшаго. Религія и наука—едино, неразрывное цѣлое, вотъ основная идея философіи незабвеннаго В. Д. Вѣра и знаніе, образованность и религіозность не должны существовать отдѣльно, а вмѣстѣ въ одномъ дѣятельномъ проведеніи въ жизнь, должны объединяться въ каждомъ значительномъ жизненномъ фактѣ, вотъ какой выводъ давала намъ жизнь усопшаго наставника нашего.

Возлюбленные братья! Въ тѣ трудныя минуты нашей жизни, когда, можетъ быть, ложный научный скептицизмъ будетъ подтачивать наши религіозныя убѣжденія, въ тѣ моменты, когда тяжело будетъ жить на свѣтѣ, когда душа наша будетъ объята смущеніемъ, когда темно будетъ намъ въ мірѣ отъ дѣйствующаго въ немъ зла, тогда, дорогие товарищи, обратимся мысленно къ свѣтлой личности нашего незабвеннаго префессора и отца. Въ духовномъ нравственномъ образѣ великаго и мудраго мужа будемъ находить опору для своей мятущейся мысли, у него научимся согласовать вѣру и знаніе, въ его личности будемъ почерпать живое молитвенное вдохновеніе. Къ его великому духу будемъ обращаться при постигающихъ насъ жизненныхъ скорбяхъ и поучимся христіанскому перенесенію несчастій. Да будетъ же для насъ всегда и вездѣ примѣромъ этотъ великій и идеально рѣдкій въ наше время человекъ. Да будетъ онъ для насъ примѣромъ честнаго исполненія долга и своего земнаго назначенія, примѣромъ христіански-человѣчнаго отношенія къ людямъ и строго-смирннаго отношенія къ самому себѣ.

Дорогой и незабвенный наставникъ, глубокочтимый всѣми нами Викторъ Дмитріевичъ! Почивай мирно, тѣломъ на мѣстѣ послѣдняго упокоенія, а безсмертный великій духъ твой да вселитъ Господь въ горнія обители свои, и да дастъ Онъ тебѣ упокоеніе отъ трудовъ твоихъ, полное удовлетвореніе твоихъ пытливыхъ исканій истины въ об-

щеніи съ Нимъ, высочайшею и абсолютною истиною. Твои благодарные ученики сохранять память о тебѣ на вѣки. Почивай мирно, Господь съ тобою, великій мужъ!

С Л О В О,

сказанное во время отгѣванія студентомъ 2-го курса **Ө. Преображенскимъ** передъ Блаженнами.

Блаженни чистиі сердцемъ, яко тии Бога узрятъ. (Мө. V, 8).

Не въ аудиторію, столько лѣтъ бывшую безмолвной свидѣтельницаей тѣхъ уроковъ христіанской мудрости, которые преподавалъ намъ почившій философъ, собралъ онъ насъ теперь; не съ кафедръ, которую столько лѣтъ украшалъ онъ, вѣщаетъ онъ намъ теперь свои жизненные завѣты. Но христіанство и храмъ Божій превращаетъ въ благолѣпную аудиторію, гдѣ раздается всегда проповѣдь глаголовъ живота вѣчнаго, и гробъ христіанина дѣлаетъ кафедрой, съ которой предлагается для всѣхъ глубоко назидательная проповѣдь тайны жизни христіанской и сама жизнь почивнаго представляется самымъ лучшимъ, самымъ поучительнымъ урокомъ изъ всего сокровища его мудрости. Какіе же уроки предлагаются почившимъ съ этой траурной кафедрой и какіе завѣты вѣщаются отъ его лица въ этой божественной аудиторіи?

Поразмыслимъ и поучимся, ибо для насъ, съ тяжелою скорбію окружающихъ гробъ нашего дорогаго покойника, чтò можетъ теперь быть утѣшительнѣе, какъ не воспоминаніе объ его прекрасной жизни, въ которой, въ благородномъ сочетаніи нравственной красоты и величаваго истинно-христіанскаго духа, такъ прекрасно, такъ неподражаемо воплотился идеально-чистый образъ истиннаго христіанскаго философа!

Почившій наставникъ нашъ былъ истиннымъ христіанскимъ философомъ. Это значитъ, что онъ не изучалъ только и не преподавалъ только философію съ кафедръ, — нѣтъ, это былъ философъ и въ жизни, человекъ, съ глубокими религіозными и философскими убѣжденіями соединявшій привлекательное благородство истиннаго христіанина и философа въ жизни. Это значитъ, что онъ не работалъ только

въ области чистой отвлеченной мысли, стремящейся разрѣшить весь міръ въ систему логическихъ понятій и для немногихъ доступной, — пѣтъ, всю жизнь онъ трудился надъ созданіемъ христіанской теодицеи и уясненіемъ тѣхъ высшихъ вопросовъ, которые неотразимо представляются человѣку на всѣхъ ступеняхъ его развитія и составляютъ ту почву, на которой соприкасаются религія и философія. Это былъ религіозный философъ. По этотъ религіозный элементъ его философіи не былъ уступкой той высшей духовной школѣ, которой онъ служилъ всю жизнь, — уступкой, которая въ наше время паденія ученыхъ и литературныхъ нравовъ почти не считается грѣхомъ. Пѣтъ, религіозный элементъ былъ душой его философскаго міровоззрѣнія, которой нельзя было отнять, не разрушивъ всего стройнаго зданія его философской системы. Свѣтъ религіозной идеи положилъ на все, вышедшее изъ подъ-пера почившаго, печать глубочайшей искренности и замѣчательной ясности, и потому его система столь далека отъ искусственнаго строя системъ, построенныхъ или на какомъ-либо логическомъ началѣ рационализма, или на безотчетно-смутномъ чувствѣ мистицизма. Религіозная идея была руководящимъ началомъ его философіи. „Какъ растеніе безъ корня, такъ и знаніе безъ вѣры невозможно“, — вотъ его философскій девизъ, такъ кстати начертанный его слушателями на лентѣ возложеннаго ими вѣнка. Руководимый религіозной идеей, почившій съумѣлъ создать цѣльное христіански-идеалистическое міровоззрѣніе, въ которомъ съ удивительной глубиной мысли и архитектурическою законченностію предлагается всѣмъ необычайно ясная, неотразимо дѣйствующая система христіанскаго теизма. Здѣсь не время и не мѣсто излагать глубокорелигіозныя и философскія воззрѣнія почившаго, которыя онъ съ мужествомъ глубоко убѣжденнаго человѣка и съ вѣрой въ всеобѣждающую силу истины защищалъ въ то время, когда общество религіей было занято менѣе, чѣмъ чѣмъ-либо другимъ, и когда метафизика была почти браннымъ словомъ. Будущій историкъ оцѣнитъ философское значеніе выработанной почившимъ системы, для насъ же достаточно теперь напомнить одну существенную заслугу почившаго. Въ наше время, когда такъ много говорятъ о вѣрѣ и знаніи и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и когда

схоластическое обособленіе этихъ двухъ элементовъ внесло много путаницы въ общественное сознаніе, философскія сочиненія почившаго представляютъ ясный отвѣтъ на этотъ запутанный вопросъ. Когда, признавая силу нападеній критики на такъ-называемыя доказательства бытія Божія, почившій соглашался съ ихъ слабой логической доказательностію, то это не значило, что бытіе Божіе онъ считалъ предметомъ только вѣры и исключалъ его изъ области знанія, противопоставляя знанію вѣру; нѣтъ, соглашаясь съ противниками въ признаніи недостаточной силы въ доказательствахъ бытія Божія, онъ начинаетъ изучать логическій процессъ доказательства и съ неотразимостію доказываетъ, что столь же недостаточно логически сильно доказывается и все другое въ наукѣ, что вообще степень доказательности истинъ религіозныхъ и научныхъ одинакова. Основные истины теизма по глубокому убѣжденію почившаго могутъ быть столько же доказаны, какъ и всякая другая научная истина, и если онѣ въ дѣйствительности оказываются слабо обоснованными, то такова судьба и истинъ научныхъ.

Но глубокій философъ именно по глубинѣ мысли, по цѣлостности міросозерцанія, по силѣ анализа, по величайшей искренности и убѣжденности, — почившій былъ истинный философъ и по тому духу благородной критики, какимъ проникнуты полемическіе отдѣлы его сочиненій, и по тому спокойно-смиренному изложенію своей системы, въ которомъ еще по мнѣнію приснопамятнаго святителя Филарета не было ни тѣни самолюбія и самодовольства многихъ иностранныхъ философовъ. Въ почившемъ никогда не замѣчалось духа нетерпимости, этого совсѣмъ не философскаго качества многихъ философовъ и писателей, которые съ задоромъ поносятъ всѣхъ, несогласныхъ съ ихъ воззрѣніями, намѣренно ослабляютъ силу противопоставляемыхъ имъ возраженій и, торжествуя легкую побѣду надъ извращенными ими воззрѣніями, предлагаютъ за послѣднее слово человѣческой мудрости свое воззрѣніе, которое ихъ гордостію и самолюбіемъ выдается за несомнѣнную истину. О какъ далеко, какъ неизмѣримо далеко былъ отъ этого нефилософскаго духа нашъ благородный наставникъ-философъ! Отъ его сочиненій и лекцій вѣетъ духъ спокойнаго мудреца, съ глубокимъ интересомъ выслушивающаго возра-

женія противника, — отдающаго все значеніе воззрѣніямъ, имъ нераздѣляемымъ, и спокойно, безъ всякаго самомиѣнія, самодовольства и полемическаго задора отмѣчающаго въ нихъ то, съ чѣмъ не можетъ согласиться ни здоровая логика, ни внутренній опытъ. Эта критика такъ спокойна, этотъ анализъ такъ ровно послѣдователенъ, эта полемика такъ благородна, что вполнѣ чувствуется, что не интересы уязвленнаго себялюбія, желающаго во что бы то ни стало отстоять свои воззрѣнія, — что не наслажденіе полемикой, которая сбрасываетъ мнимую одежду основательности съ чужихъ воззрѣній, — что не эти недостойныя философа побужденія руководили перомъ почившаго, когда онъ выступалъ съ критикой антифилософскихъ и антирелигіозныхъ направленій, а любовь къ истинѣ и глубокое убѣжденіе, что благородный и спокойный споръ есть одинъ изъ путей пріобрѣтенія философской истины. Высказывая свои воззрѣнія, почившій былъ далекъ отъ того сознанія непогрѣшимости, какимъ грѣшатъ многіе почтенные мыслители. Скромно и съ смиреніемъ христіанина выставляя на судъ читателей глубоко продуманное имъ положеніе, онъ никогда не утверждалъ болѣе, чѣмъ слѣдовало, и тамъ, гдѣ наличныя доказательства не давали права на достовѣрное заключеніе, онъ прямо и откровенно обрисовывалъ положеніе вопроса. Это замѣчательная черта образа почившаго, какъ ученаго и писателя, высоко поднимающая его надъ многими современными писателями, для которыхъ слабость доказательствъ еще не считается достаточной причиною, чтобъ не выказывать съ самомиѣніемъ и самодовольствіемъ своихъ скороспѣлыхъ утвержденій.

Философъ и христіанинъ по духу и направленію своей критики, почившій наставникъ нашъ писалъ и говорилъ истинно-философскимъ языкомъ. Можетъ-быть никто изъ русскихъ писателей не умѣлъ говорить такъ ясно и такъ просто о самыхъ отвлеченныхъ вопросахъ философской мысли. Въ этомъ отношеніи почившій неизмѣримо высоко стоитъ надъ современными софистами, которымъ часто, можетъ быть и безсознательно, слабость и темноту своихъ воззрѣній приходится прикрывать трескучей шумихой туманнаго стиля и слогомъ, въ которомъ темнота слова и языка должна служить показателемъ мнимой глубины содер-

жанія. Почившій умѣлъ писать и говорить такъ, что все излагаемое имъ цѣликомъ вносилось въ умъ читающаго или слушающаго, дѣлалось достояніемъ мысли этого послѣдняго. Ничего лишняго, никакого ненужнаго балласта не было въ его сочиненіяхъ. Мысль сразу захватывала сущность вопроса и давала ясныя опредѣленія, которыя передавались читателю и слушателю не только съ легкостію, но и съ силой убѣжденія. Эта столь удивительная ясность и простота — лучшее свидѣтельство ясности его ума и возрѣній — соединяются въ сочиненіяхъ почившаго съ поразительною художественностію языка, которую справедливо оцѣнила даже и свѣтская критика и которая соединяетъ всѣ частныя возрѣнія въ стройное гармоническое цѣлое. Почившій не говорилъ языкомъ извѣстной специальной школы, что такъ затрудняетъ и запутываетъ пониманіе другихъ философовъ, заставляя сперва долго изучать ихъ специальную терминологію; онъ говорилъ языкомъ души, понятнымъ для всѣхъ, и потому такъ легко было усваивать его возрѣнія и процессъ доказательства даже тамъ, гдѣ почившему приходилось спускаться въ глубины отвлеченной мысли и разбирать самыя запутанныя тонкости діалектики. Его доказательства основывались не на внѣшней логической сдѣляемости понятій, не на софистическихъ построеніяхъ гибкой и тонкой діалектики, а черпались изъ глубины души, изъ сокровищъ внутренняго опыта, просвѣтленнаго христіанствомъ, изъ яснаго и глубоко развитаго сознанія. Отсюда неотразимость его доводовъ; чувствуется всегда, что именно такъ зарождается и развивается въ умѣ извѣстное понятіе или положеніе, какъ излагалось у почившаго, и даже тогда, когда дальнѣйшій анализъ заставлялъ не согласиться съ частными его возрѣніями, первое и неотразимое впечатлѣніе съ трудомъ теряло силу и обаяніе. Если по сочиненіямъ многихъ приходится учиться, какъ не надо писать, то сочиненія почившаго представляютъ блестящій примѣръ, какъ надо писать и излагать мысли, чтобы простота языка соединялась съ его чистотой, а его безыскусственность съ его художественностію и логической опредѣленностію.

Все это, вмѣстѣ взятое, даетъ объясненіе тому вліянію, какое почившій имѣлъ на слушателей, и дѣлаетъ вполне

понятною популярностію его философскихъ воззрѣній *). Правда, ни недостаточно развитый вкусъ нашего общества къ религиозно-метафизической философіи, ни легкомысленное невниманіе его къ духовной наукѣ и журналистикѣ не благопріятствовали извѣстности нашего почившаго философа въ нашемъ свѣтскомъ интеллигентномъ обществѣ. Но зато его вліяніе въ средѣ духовнаго юношества не ограничивалось стѣнами родной Академіи. Мы были учениками почившаго раньше, чѣмъ сдѣлались его непосредственными слушателями. Наме философское мышленіе воспитывалось на сочиненіяхъ почившаго; въ умы многихъ именно его многочисленныя статьи забросили искру сознательной философской мысли еще въ то время, когда они были семинаристами, и конечно они именно почившаго должны считать крестнымъ отцомъ своего духовнаго развитія. А сколько учениковъ почившаго, разсѣянныхъ по всей Россіи, которые считаютъ за честь и счастье считаться его учениками и которые, преподавая философскія науки, слѣдуютъ духу и направленію своего незабвеннаго учителя! И это не только въ прошломъ и настоящемъ, но и въ будущемъ, ибо составленный почившимъ учебникъ, къ которому со вниманіемъ и уваженіемъ отнеслась на этотъ разъ и свѣтская критика, еще долго и долго будетъ разливать свѣтъ его философскихъ воззрѣній!

Обращаясь къ почившему, какъ нравственной личности, невольно чувствуешь, сколько добраго и прекраснаго унести этотъ гробъ! Это была душа, ясная какъ Божій день, чистая, благородная, кроткая и смиренная, участливая и любящая. При всемъ величій его духа, предъ которымъ останавливаешься съ благоговѣніемъ, это была воплощенная простота, въ которой и познается истинное величіе, — простота незлобивая и изящная, привлекавшая и очаровывавшая своей нравственной красотой. Онъ жилъ любовію. Какъ любилъ онъ родную Академію! Ради нея онъ забывалъ интересы честолюбія и выгоды положенія и лучше желалъ

*) Передъ благородною популярностію философскихъ сочиненій почившаго всякая другая популярность многихъ современныхъ философствующихъ писателей, въ сочиненіяхъ которыхъ minimum философской мысли разведено на множество страницъ популярной фельетошной болтовни, является популярностію рынка и толпы.

до конца послужить ей, чѣмъ блистать на кафедрахъ университетовъ, куда его не одинъ разъ приглашали! Какъ любилъ онъ учащееся юношество, для котораго являлся всегда любящимъ заступникомъ! Когда случалась бѣда, куда обращался студентъ? Къ почившему, — и у него всегда было готово слово если не помощи, то утѣшенія. Если можно было сдѣлать что-либо, почившій всегда съ охотой старался, чтобы вывести неудачника изъ бѣды. Если нельзя было, если не въ его власти было облегчить чью-либо участь или исполнить какую либо просьбу, то онъ по крайней мѣрѣ не вселялъ ложныхъ надеждъ, говорилъ откровенно и прямо и всегда старался утѣшить просителя, дѣлая это съ замѣчательной задушевностью и теплотой. А его благородное, чарующее обращеніе со всѣми, его ласковая улыбка, которою онъ неизмѣнно встрѣчалъ приходившаго къ нему студента... ихъ никогда не забыть, и до самаго гроба однимъ изъ лучшихъ воспоминаній въ жизни будетъ воспоминаніе о мудромъ и добромъ почившемъ старцѣ... И, надо правду сказать, что студенты, всѣ до одинаго, на пространствѣ столькихъ лѣтъ и столькихъ курсовъ, всѣ преклонялись предъ почившимъ, любили и всегда боялись огорчить его какимъ-либо неумѣстнымъ поступкомъ. А что скажетъ объ этомъ Викторъ Дмитриевичъ? — говорили студенты, и шли къ почившему спросить его мнѣнія и совѣта. И если почившій, бывало, скажетъ, что не слѣдуетъ дѣлать этого или другаго, то всѣ соглашались. Мнѣніе почившаго для студентовъ было закономъ. Спокойный, участливый, незлобивый даже тогда, когда студентъ не стоилъ этого, почившій всѣхъ привлекалъ и очаровывалъ, и можно сказать, что многихъ, болѣе близко знавшихъ покойнаго, въ тяжелыя минуты окружающаго гнета, когда въ безсиліи бороться съ нимъ человекъ готовъ бываетъ войти въ сдѣлки съ совѣстію, свѣтлый образъ почившаго, возобновленный въ сознаніи, многихъ удержитъ отъ соблазна грѣха, освѣтитъ колеблющуюся душу, вызоветъ въ сознаніи тѣ идеалы, которымъ почившій служилъ... и сдѣлка съ совѣстью не состоится.

Многое было и будетъ сказано въ похвалу почившему и въ наше назиданіе и утѣшеніе, ибо, прежде чѣмъ разставаться съ этимъ дорогимъ покойникомъ, хочется наглядѣться на его

благородныя черты, которыхъ и смерть не посмѣла обезобразить, хочется глубже напечатлѣть въ своей душѣ образъ этого увы! въ наше время рѣдкаго типа, хочется унести отъ этого гроба самыя свѣтлыя и глубокия воспоминанія объ этой прекрасной жизни, унести и дельѣть въ сердцѣ какъ завѣтную святыню и сокровище.... О почившемъ хочется сказать многое, но можно бояться, что не скажешь ничего, или скажешь мало и не то, что слѣдовало. Такъ величавъ, такъ богатъ умственными и нравственными качествами нашъ почившій старецъ! Такъ благородна, такъ прекрасна была его жизнь!

И вотъ не стало его, этого милаго старца, и какъ пусто, какъ уныло на душѣ! Свѣтило и грѣло солнышко, и вотъ померкло оно, — и тревожно спрашиваешь и теряешься въ думахъ: кто же замѣнитъ его, этого мудраго, добраго и привѣтливаго Виктора Дмитріевича?

Но, скорбя о почившемъ, не будемъ казаться неимущими христіанскаго упованія. Когда скорбь тѣснитъ сердце, будемъ искать утѣшенія въ молитвѣ, тамъ, гдѣ его искалъ и находилъ и нашъ почившій наставникъ. Помянемъ то неложное обѣтованіе Спасителя, что *чистиі сердцемъ Бога узрятъ*. Въ этой чистотѣ сердца, облагодатствованнаго христіанствомъ, можетъ-быть лежитъ ключъ къ объясненію той ясности ума и воззрѣній, того нравственнаго благородства, какимъ полна была жизнь почившаго. Но *чистиі сердцемъ Бога узрятъ*, и мы вѣруемъ, что эта прекрасная жизнь, такъ неожиданно пресѣкшаяся, была создана для вѣчной жизни и блаженства, и что то лицезрѣніе Бога, которое отразилось въ сочиненіяхъ почившаго, есть для него лишь ступень къ полному и совершенному лицезрѣнію Бога тамъ, гдѣ присѣщаетъ свѣтъ лица Божія, у самаго Источника всякой истины.

Теперь же помолимся, — помолимся прежде всего о нашемъ почившемъ наставникѣ, ибо въ этомъ онъ теперь болѣе всего нуждается, — но помолимся и о томъ, чтобы не изсякалъ въ нашей родной Академіи этотъ благородный духъ истинной христіанской философіи и философскаго творчества, духъ самоотверженной любви къ истинѣ и наукѣ, духъ истинной простоты и истиннаго величія въ жизни. Этому учить насъ нашъ незабвенный старецъ-наставникъ изъ своего гроба и эти завѣты оставляетъ онъ всѣмъ намъ.

Во имя любви къ почившему потщимся осуществить ихъ.
Аминь.

Р Ъ Ч Ъ,

сказанная во время оти́ванія студентомъ 4-го курса И. Ни-
колинымъ.

Дорогой и любезный нашъ наставникъ!

Позволь мнѣ, меньшему изъ сихъ, сказать нѣсколько словъ на прощаніе съ тобой. Не изображеніе твоего духовнаго образа, твоего внутренняго облика будетъ цѣлью моей рѣчи, — это сдѣлаютъ витги, искуснѣйшіе меня въ словѣ, не оцѣнка твоей свѣтлой и богато одаренной личности, — это дѣло исторіи. Задача моя скромнѣе — передать и живописать рядъ тѣхъ впечатлѣній, которыя западали намъ въ нашу душу отъ тебя, тѣхъ чувствъ, которыя возбуждали въ насъ твои отношенія къ намъ — твоимъ ученикамъ и почитателямъ. — Отрадны эти впечатлѣнія, съ удовольствіемъ и любовью остановится каждый изъ насъ даже чрезъ длинный, длинный рядъ лѣтъ на сложной нити чувствъ, связанныхъ съ именемъ дорогаго покойнаго. Какой теплотой, задушевностію и сердечностію вѣяло отъ нихъ, и какъ прочно укоренились они въ нашемъ сердцѣ!.. Еще въ семинаріяхъ былъ знакомо намъ имя почившаго. О немъ мы чаще и преимущественно предъ другими слышали отъ своихъ преподавателей. Всегда оно произносилось съ чувствомъ глубокаго почтенія. Образъ покойнаго еще тогда окружался въ нашей душѣ свѣтлымъ ореоломъ. Имя его становилось близкимъ не только устами нашимъ, но и сердцу. Такъ зарождались наши симпатіи къ почившему, западали первыя сѣмена глубокаго уваженія къ нему...

Близились для насъ послѣдніе дни семинарской жизни. Пробуждались мечты объ Академіи. Быстрою вереницею мелькали онѣ въ нашихъ головахъ. Мысль о Московской академіи почему то связывалась съ именемъ Виктора Димитріевича. Расхватывались брошюры его, съ горячностью и вниманіемъ читались и перечитывались статьи его. Безъ знакомства съ ними не рѣшались ѣхать въ М. академію. Онѣ разсматривались, какъ одинъ изъ тѣхъ талисмадовъ,

предъ которыми гостепріимно открываются двери академіи. Живо помню то время, когда мы, не увѣренные, смущенные, подѣзжали впервые къ Академіи. Тревожно билось сердце. Съ трепетомъ, не преувеличу, если скажу съ благоговѣніемъ, вступали мы подъ кровъ Академіи. Она казалась намъ храмомъ, святилищемъ. Съ нами случилось такъ, что на порогъ Академіи намъ встрѣтился маститый патріархъ ея — Викт. Димитріевичъ *). Да, именно впечатлѣніе „патріарха“ онъ произвелъ на насъ, при первой встрѣчѣ съ нами, своимъ высокимъ умнымъ челомъ, типичными чертами лица, трогательной добротой, которая привлекала къ нему и покоряла сердца. Какой ласковой простотой, радушной привѣтливостью, любезной предупредительностію дышалъ его пріемъ! Одно изъ первыхъ академическихъ впечатлѣній было самое свѣтлое, и оно связано неразрывно съ личностью нашего дорогаго почившаго...

Наша благословенная *alma mater* широко, радушно раскрыла предъ нами свои объятія, приняла и насъ въ число питомцевъ своихъ. Хороши были эти первыя чудныя минуты поступленія въ академію... едва ли подобныя имъ когда нибудь наступятъ для насъ опять, и ими мы много обязаны почившему. Его же лекціи намъ пришлось выслушать первыми. Неотразимо могучее впечатлѣніе произвелъ на насъ лекторъ, теперь во гробѣ лежащій. Умилительную и высоко поучительную картину представляли лекціи В. Д. Старецъ, убѣленный сѣдинами, ослабленный годами, трудомъ и болѣзнями, съ удивительною стройностію и ясностію раскрывалъ предъ нашимъ взоромъ вопросъ о вѣчныхъ метафизическихъ и религіозныхъ началахъ всякаго бытія и жизни. Онъ, казалось, читалъ въ нашихъ сердцахъ и отвѣчалъ на то, что волновало насъ и требовало неотложнаго рѣшенія. Послѣднія силы оставляли нашего славнаго лектора, немощи возраста въ конецъ подрывали его здоровье. Казалось, вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ угасать и духъ его, изсякать творчество его. Но нашъ доблестный профессоръ до конца жизни сохранилъ полную ясность ума, живость мысли и чувства. Неосвязаемы плоды воспитательнаго воздѣйствія В. Д. на многочисленныхъ слушателей его,

*) Онъ тогда исправлялъ должность инспектора Академіи.

какъ не осязаема и самая нива, на которой онъ сѣялъ — души его учениковъ. Но невольно тутъ вспоминается свидѣтельство ученика его и нашего учителя, обращенное имъ къ самому В. Д., что „всѣ мы — и наставники, и студенты — воспитались на идеяхъ В. Д.“, т. е. усвоили ихъ и прониклись ими. Да, чистый и свѣтлый образъ почившаго и высокія идеи, проповѣдуемыя имъ съ профессорской кафедрой, могли оказать только благотѣльное вліяніе на окружающихъ. Это мы и испытывали особенно сильно въ первый годъ своего пребыванія въ Академіи, когда почившій былъ поставленъ не только нашимъ учителемъ, но и ближайшимъ воспитателемъ. Не властную руку начальника чувствовали мы надъ собой, а видѣли въ немъ заботливаго покровителя и добраго нашего оберегателя.

Тѣсныя связи, устанавливавшіяся между новыми студентами и покойнымъ, съ теченіемъ времени еще болѣе закрѣплялись. Всѣ традиціи нашей родной академіи связывались въ нашемъ сознаніи съ почившимъ. Онъ былъ въ нашемъ представленіи носителемъ ихъ. Чѣмъ болѣе сживались мы съ Академіей, усвоивали ея духъ и направленіе, ея высокія традиціи, тѣмъ съ большею любовью останавливался нашъ взоръ на дорогомъ нашему сердцу почившемъ, съ тѣмъ болѣе тревогой мы слѣдили за постепенно угасавшею въ немъ жизнію. И она угасла, и угасла неожиданно для всѣхъ, мгновенно, не смотря на всю, казалось, подготовку къ такому концу. Эта смерть — тяжелый ударъ для Академіи; грустнымъ эхомъ отзовется онъ въ сердцахъ всѣхъ, искренно любящихъ академію и преданныхъ ей. Вмѣстѣ со смертію В. Дм. закрывается одна изъ блестящихъ страницъ академической исторіи, уходитъ въ область воспоминаній одна изъ тѣхъ высокіхъ личностей нашей alma mater, которыя составляютъ „душу живу“ академіи, наполняютъ ее своимъ великимъ неумирающимъ духомъ.

Студенческая любовь съ тѣмъ большею силою сосредоточивалась на незабвенномъ В. Дм., что онъ самъ горячо любилъ академію, любилъ ея студентовъ, „своихъ“ студентовъ. Они дѣлались для него своими, онъ былъ нашъ, а мы — его. Къ кому мы чаще всѣхъ обращались съ своими нуждами и печальми, и у кого мы скорѣе всего находили не только сочувствіе, но и дѣятельное утѣшеніе? Многимъ и

многимъ памятенъ небольшой кабинетъ, добрая, мягкая улыбка, — улы, теперь неподвижнаго холоднаго лица, — располагающая къ откровенности. Не мала тайнъ, тяготѣвшихъ на совѣсти студентовъ, раскрыто въ этой маленькой комнатѣ, и, быть можетъ, нигдѣ не была такъ искренна исповѣдь, какъ подъ ласкающимъ взоромъ дорогаго покойнаго. И ни звука осужденія, ни слова бездушнаго морали не слыхалъ студентъ изъ устъ почившаго мудреца. Онъ умѣлъ врачевать язвы инымъ лучшимъ способомъ — дѣятельною помощію. Сколько нужно было терпѣнія, какой богатый запасъ снисхожденія, любви къ студентамъ, чтобы выслушивать и выполнять нужды и запросы ихъ, которые предъявлялись подчасъ съ всеѣмъ эгоизмомъ юношеской требовательности. Прости же, любезный нашъ попечитель, тѣ непріятности, которыя мы по юношеской вѣтренности, а иной разъ и строптивости, причиняли тебѣ...

А какъ велики, симпатичны и неоцѣненны для насъ, и все для насъ, труды и заботы его въ качествѣ предсѣдателя братства! И это благодѣтельное и гуманнѣйшее учрежденіе связано съ именемъ умершаго. Тутъ обнаружились воочию высшія проявленія духа, жившаго въ новопреставленномъ профессорѣ. Неужели мы, друзья, заплатимъ любившему насъ почившему за эти труды его и заботы скорымъ забвеніемъ, неужели допустимъ свѣтлому образу его изгладиться изъ нашего сердца? О, нѣтъ, нѣтъ. Да напечатлѣется образъ его, милый, дорогой, прекрасный, симпатичный, ласковый, благородный образъ, который мы видимъ теперь въ послѣдній разъ, въ нашемъ сердцѣ неизгладимыми чертами, да сіяетъ онъ тамъ мягкимъ согрѣвающимъ свѣтомъ!..

О, возлюбленный и дорогой нашъ наставникъ, прости меня, что я такъ много даю мѣста моему слабому слову! прими его, какъ послѣднюю дань любви и благоговѣнія, которыми сопровождаютъ тебя въ вѣчный покой мои сотоварищи. Ты заслужилъ этотъ покой, посвятивъ все свои силы — физическія и нравственныя — на служеніе нашей общей матери, ея многочисленнымъ питомцамъ. Твердо вѣруемъ, что спокоенъ будетъ твой сонъ, ибо ты оказался вѣрнымъ дѣлательемъ ввѣреннаго тебѣ таланта. Спокоенъ будетъ твой сонъ, ибо ты свято исполнилъ свой долгъ и самоотверженно трудился на пользу и славу св. церкви и

родной академіи. Да упокоить же Господь Богъ тебя, нашъ незабвенный и любимый профессоръ, въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ мѣстѣ злчнѣ, отнюду же отбѣже всякая болѣзнь и печаль, которыя ты такъ обильно понесъ здѣсь во время твоего духовнаго дѣланія. Память о тебѣ, какъ носителѣ традицій и духа академіи, будетъ долго и долго жить въ сердцахъ признательныхъ и благодарныхъ тебѣ учениковъ и передаваться между студентами изъ поколѣнія въ поколѣніе. И не разъ еще твой высокій нравственный образъ, твой великій духъ возбудить въ сердцахъ ихъ святой энтузіазмъ ко всему доброму и прекрасному. Ты самъ при жизни своей видѣлъ, какъ въ Академіи живуча память тѣхъ, кто былъ выразителемъ ея духа, съ какимъ благоговѣніемъ произносятся эти имена, и какъ сильно и благотворно вліяютъ они на подъемъ самосознанія и благородныхъ стремленій духа студентовъ. Поклонъ тебѣ отъ лица Академіи и вѣчная память...

Р Ъ Ч Ъ,

сказанная по окончаніи отиѣванія доцентомъ П. П. Соколовымъ.

Незабвенный учитель и другъ!

Мы собрались, чтобы отдать тебѣ нашъ послѣдній земной долгъ, — долгъ печали и слезъ, и проститься съ тобой навсегда. Въ эту безконечно-грустную минуту мы стоимъ предъ тобой и предъ вѣчностью, въ которую ты удалился изъ нашего міра, и въ нашей душѣ умолкаетъ все, кромѣ чувства безысходной, гнетущей скорби. Въ эту минуту трудно найти слова, чтобы достойнымъ образомъ оцѣнить твою дѣятельность и твою благородную личность. Пусть-же лучше и достойнѣе оцѣнить тебя исторія, которой ты отнынѣ принадлежишь, а мои слова, — пусть будутъ они только слабымъ выраженіемъ моей и нашей общей печали, такимъ-же выраженіемъ, какъ наши слезы...

Ты принадлежалъ къ тѣмъ немногимъ, рѣдкимъ людямъ, смерть которыхъ есть не только личная потеря немногихъ отдѣльныхъ людей, а общественная и общечеловѣческая потеря. Не только мы, твои друзья, твои ученики, твои родственники, оплакиваемъ тебя въ эту минуту: вмѣстѣ съ нами оплакиваетъ тебя твоя академія, которой ты отдалъ

свои лучшія силы; вмѣстѣ съ нами тебя оплакиваетъ русская наука, которой ты съ такою честью служилъ; вмѣстѣ съ нами тебя оплакиваетъ говорящее нашими устами чело-вѣчество, котораго ты былъ благороднѣйшимъ представи-телемъ.

Почти 40 лѣтъ ты служилъ своей академіи и въ теченіе этихъ многихъ лѣтъ ты былъ однимъ изъ главнѣйшихъ руководителей ея жизни. Съ твоей дѣятельностью въ той или другой мѣрѣ связано почти все важнѣйшее и лучшее, что академія пережила въ эти годы, и историкъ поставитъ твое имя наряду съ именами Голубинскаго и Горскаго, духъ которыхъ до сихъ поръ живетъ среди насъ. Почти 40 поколѣній воспиталъ ты въ духѣ твоего философско-христианскаго міросозерцанія, и эти поколѣнія не забудутъ ни твоихъ идей, ни твоей личности. Тѣ сѣмена, которыя ты сѣялъ, возрастутъ и принесутъ обильную жатву, а твое имя навсегда останется однимъ изъ самыхъ крупныхъ именъ въ исторіи русской философіи.

Достойный преемникъ знаменитаго Голубинскаго, ты занялъ философскую кафедру въ то тяжелое время, когда начинался извѣстный историческій переломъ въ русской жизни. Рушилась старая, дореформенная Россія, и на ея развалинахъ создавался новый строй жизни, новое общество, новыя міросозерцанія. Много великаго сдѣлано было въ эту эпоху во имя чело-вѣчества, братства и справедливости, и потомство никогда не забудетъ этого времени русскаго возрожденія. Но и много грѣховъ омрачаетъ эту эпоху, потому что это было не только время реформъ, но и время грустныхъ и часто позорныхъ увлеченій. Начавшееся общественное движеніе было подобно рѣкѣ, прорвавшей долго сдерживавшую ее плотину: разлившись, она вынесла на поверхность много муты и грязи, — умственной муты и нравственной грязи. Бѣдное русское общество было какъ-бы въ чаду: вмѣстѣ съ старыми неправдами выбрасывались за бортъ всѣ лучшія вѣрованія и идеалы прошлаго; попиралось искусство, попиралась философія, попиралась религія. Религія разсматривалась какъ собраніе сказокъ, въ которыя наука уже не позволяетъ болѣе вѣрить; метафизическая философія считалась шарлатанствомъ, а занимающіеся ею обманщиками и тунеядцами; искусство объявлялось празд-

ной забавой, которая болѣе не нужна практическому вѣку. На мѣсто всего этого была поставлена „наука“, подъ которой разумѣлись плохо понятыя и дурно усвоенныя крохи съ научнаго стола Запада, „позитивная философія“ Конта, да книга Бюхнера „Сила и матерія“. И вотъ, согласно съ этой „наукой“, идея Бога была объявлена отжившимъ свой вѣкъ суевѣріемъ; міръ разсматривался какъ механическій, чуждый разума и цѣли круговоротъ явленій, а человѣкъ какъ снабженный двумя руками и ногами автоматъ, случайно возникающій изъ лона природы и безслѣдно въ ней исчезающій. Матеріализмъ и позитивизмъ разлились широкой волной и овладѣли умами легкомысленнаго общества. Представителями старыхъ традицій оставались почти одни славянофилы, соединявшіе съ искренною преданностью религіи и съ мечтой о національной русской философіи романтическое преклоненіе предъ донетровской Русью и сантиментальную идеализацію всеславянскаго братства. Вотъ въ это время ты вступилъ на философское поприще. Ты не примкнулъ къ славянофиламъ, которые хотѣли видѣть въ тебѣ свою опору, и не былъ увлеченъ волной матеріализма. Ты поднялъ знамя старыхъ, вѣчныхъ, общечеловѣческихъ идеаловъ и съ силою убѣжденія и таланта выступилъ въ ихъ защиту. Ты былъ убѣжденъ, что то, во что искони вѣрила лучшая часть человѣчества, не можетъ быть ни иллюзіей, ни заблужденіемъ; ты былъ убѣжденъ, что вѣра есть знаніе, непосредственное знаніе сверхчувственной дѣйствительности; ты былъ убѣжденъ, что тѣ отвѣты, которые дало христіанство на міровые вопросы, суть истина, открытая самимъ Богомъ, пришедшимъ въ міръ на помощь страждущему и заблуждающемуся человѣчеству. И въ то-же время ты вѣрилъ въ силу человѣческаго разума: ты вѣрилъ, что этотъ разумъ, слѣдуя своими собственными путями, можетъ и долженъ придти къ тѣмъ-же самымъ результатамъ, къ которымъ ведетъ насъ религія. И ты на самомъ дѣлѣ доказалъ, что это такъ, что это не можетъ и не должно быть иначе. Ты доказалъ, что идея личнаго Бога есть такая-же неопровержимая истина для мыслящаго разума, какъ и для вѣрующаго сердца. Ты доказалъ, что міръ не есть механическій продуктъ случайности, а стройный космосъ, созданный разумною всемогущею Волей и ведомый этою

Волей къ вѣчнымъ разумнымъ цѣлямъ, которыя отражаются въ немъ и въ маломъ и въ великомъ. Ты доказалъ, что человѣкъ не есть бездушный автоматъ, а разумная и свободная личность, предназначенная къ безсмертію въ томъ трансцендентомъ мірѣ дѣйствительности, который существуетъ за этимъ міромъ явленій. Развивая и защищая это идеальное теистическое міросозерцаніе въ кругу своихъ учениковъ и въ своихъ сочиненіяхъ, ты не вступалъ въ личную борьбу съ неистовавшими въ то время представителями матеріалистическаго отрицанія. Ты не былъ и не хотѣлъ быть человѣкомъ такой личной борьбы. Какъ истинный мыслитель, ты зналъ, что такая борьба всегда сводится къ полемикѣ оскорбленныхъ самолюбій, которая не устраняетъ, а только обостряетъ разногласіе мнѣній. Какъ тонко чувствующій человѣкъ, ты понималъ, что выносить свои святые убѣжденія на площадь и биться за нихъ съ людскимъ недомыслиемъ значить оскорблять ихъ. Какъ истинный идеалистъ, ты вѣрилъ, что истина въ концѣ концовъ сама восторжествуетъ надъ заблужденіемъ. И ты не ошибался, вѣря въ это. Уже проходитъ тотъ умственный сумбуръ, который такъ долго господствовалъ въ умахъ русскаго общества; уже быть можетъ недалеко то будущее, когда у насъ восторжествуютъ твои философскіе идеалы. Но ты не дожиль до этого времени...

Два дня тому назадъ я говорилъ о тебѣ, незабвенный философъ-христіанинъ, моимъ и твоимъ слушателямъ, которые такъ глубоко тебя уважали. Я имъ сказалъ, что ты занималъ въ нашей русской философіи то-же мѣсто, какое Поль Жанэ занимаетъ въ французской. И дѣйствительно, трудно найти на Западѣ мыслителя, болѣе близкаго тебѣ по значенію и болѣе родственнаго по духу, чѣмъ Жанэ. Оба — представители старыхъ философскихъ традицій, вы сходны и по своимъ философскимъ идеаламъ, и по своему литературному таланту. У обоихъ васъ мы видимъ то-же благородное стремленіе примирить человѣческую мысль съ лучшими человѣческими вѣрованіями; у обоихъ васъ мы находимъ тотъ-же тонкій критицизмъ, ту-же ясность и самостоятельность мысли, ту-же необыкновенную логическую правильность изложенія и тотъ-же блестящій философскій стиль. Итакъ,

если сравненіе можетъ что-нибудь прибавить къ твоей характеристикѣ, ты былъ Поль Жанэ русской философіи.

Спокойный и осторожный мыслитель. ты не хотѣлъ увлечь своихъ читателей и слушателей ни смѣлыми философскими построеніями, ни блестящими парадоксами, ни эффектами остроумія. Но ты умѣлъ будить ихъ мысль, очаровывать своей ясностью и подчинять своею спокойною логикой, — такою-же спокойною, какъ былъ ты самъ. Глубокое религіозное чувство, которымъ ты былъ проникнутъ, налагало идеальный отпечатокъ на все, что ты писалъ, и этомъ религіозный отпечатокъ не омрачался никакою фальшью, никакимъ нравственнымъ диссонансомъ. Потому что религіозное чувство у тебя не было поддѣлкой и лицемеріемъ, а было истиннымъ и основнымъ мотивомъ твоей душевной жизни. Оно сообщало твоимъ словамъ и мыслямъ ту неопровержимую *моральную* правду, которую создаетъ только искреннее чувство и глубокое убѣжденіе.

Ты оставилъ намъ въ наслѣдство богатый литературный даръ: въ теченіе своей долгой научной жизни ты написалъ болѣе 30 философскихъ работъ, разсѣянныхъ въ разныхъ журналахъ. По своей необыкновенной скромности ты не издавалъ эти работы отдѣльно. Пусть-же будетъ нашъ долгъ сдѣлать то, чего ты самъ не сдѣлалъ: пусть будетъ нашъ долгъ издать полное собраніе твоихъ сочиненій и позаботиться объ ихъ широкомъ распространеніи. Твои идеи не должны лежать въ старыхъ и трудно доступныхъ журнальныхъ книжкахъ; твоими идеями и трудами ты „памятникъ себѣ создалъ нерукотворный“, и мы не можемъ создать тебѣ лучшаго памятника, какъ собравъ и вновь издавъ твои труды.

Ты оказывалъ неотразимое, чарующее вліяніе на всѣхъ, кто приходилъ въ соприкосновеніе съ тобой. Въ чемъ заключалась тайна этого вліянія? Сказывалась-ли въ этомъ только сила твоего разума и впечатлѣніе твоихъ заслугъ? Нѣтъ, въ тебѣ было еще нѣчто высшее, чѣмъ человѣческій разумъ, и нѣчто большее, чѣмъ всѣ научныя заслуги: ты былъ одной изъ тѣхъ прекрасныхъ и благородныхъ личностей, которыя изрѣдка украшаютъ собою нашъ грязный бѣлый свѣтъ. Есть личности, одно существованіе которыхъ является счастьемъ для окружающихъ. При встрѣчѣ съ та-

кими личностями мы забываемъ ту нравственную грязь, которая такъ часто возмущаетъ насъ въ безотрадной дѣйствительности, и примираемся съ человѣчествомъ; при встрѣчѣ съ ними мы сами дѣлаемся лучше и благороднѣе. Такія личности согрѣваютъ насъ лучами своей душевной чистоты и заставляютъ любить мѣръ и людей. Къ такимъ-то рѣдкимъ личностямъ принадлежалъ ты, дорогой, милый другъ всѣхъ, кого ты зналъ. Я встрѣчалъ немало людей — и дурныхъ, и хорошихъ, и очень хорошихъ; но я никогда не встрѣчалъ такого почти идеальнаго воплощенія добра, какимъ ты казался, и — не надѣюсь болѣе встрѣтить. Нужно было сколько-нибудь знать тебя, чтобы видѣть, какъ чиста была твоя безхитростная, незлобивая душа, какъ былъ отзывчивъ на все прекрасное и благородное твой умъ, какое проникнутое любовью ко всему добру сердце билось въ твоей груди. Я никогда не забуду тѣхъ, къ сожалѣнію рѣдкихъ, минутъ, которыя мнѣ приходилось проводить въ обществѣ твоемъ и твоей незабвенной супруги; я никогда не забуду твоихъ рѣчей о серьезныхъ и простыхъ вещахъ, твоей милой, добродушной шутки, изрѣдка разнообразившей разговоръ, вашихъ общихъ воспоминаній о старыхъ дѣлахъ и людяхъ. Какъ много душевной чистоты свѣтилось въ эти минуты въ вашихъ ясныхъ глазахъ! Какъ много любви и снисхожденія къ людямъ было въ каждомъ вашемъ словѣ! Выдающійся мыслитель, знаменитый, заслуженный и чиновный человѣкъ, ты былъ простъ и скромнъ какъ дитя. Два раза приглашали тебя въ университеты, и ты не пошелъ на открывавшееся тебѣ поприще широкой, шумной извѣстности: ты предпочелъ остаться въ своей скромной деревенской академіи. Люди всѣхъ общественныхъ ступеней имѣли съ тобой дѣло, и ты былъ со всѣми одинаково простъ, милъ и добръ; ни малѣйшимъ намекомъ ты не давалъ понять того разстоянія, которое ихъ по обычнымъ понятіямъ отъ тебя отдѣляло. Скромность твоего мнѣнія о себѣ самомъ была просто трогательна. Ты не принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые подъ старость дѣлаются фанатиками своихъ взглядовъ и черствѣютъ сердцемъ: ты до старости сохранилъ юношеское сердце и безпристрастный, благородный, на все отзывчивый умъ. И всѣ, кто зналъ тебя, невольно преклонялись предъ твоею прекрасною лич-

ностью. Рѣдко кто-нибудь имѣлъ счастье пользоваться такимъ полнымъ и всеобщимъ уваженіемъ, какимъ ты пользовался, и еще рѣже кто-нибудь такъ истинно заслужилъ это всеобщее уваженіе, какъ ты.

Есть что-то невыразимо трагическое въ смерти такого человѣка, какъ ты, незабвенный Викторъ Дмитриевичъ. Плаксивая тебя, приходится оплакивать не только смерть отдѣльной человѣческой единицы, мыслившей и дѣйствовавшей: приходится оплакивать гибель добра, которое въ тебѣ воплощалось, гибель идеаловъ, которымъ служила твоя личная жизнь и которые для насъ такъ высоки и дороги, — гибель конечно для насъ, а не для вѣчности, которой принадлежитъ теперь твой бессмертный духъ. Стоя у твоего гроба, невольно спрашиваешь: зачѣмъ-же мы живемъ, если умеръ этотъ несравненный человѣкъ? Но есть въ твоей смерти, — даже въ самой твоей смерти, — и нѣчто примиряющее. Плаксивая смерть такого человѣка, какъ ты, мы невольно благодаримъ Провидѣніе за то, что ты *жилъ* и могъ жить на землѣ, — жилъ для того, чтобы дѣлать насъ лучше, — и въ благодарномъ сознаніи этого почерпаемъ убѣжденіе, что стоитъ жить въ этомъ мірѣ, гдѣ могутъ встрѣчаться такіе люди...

Да будетъ твоя память такъ-же бессмертна здѣсь на землѣ, какъ твой духъ бессмертенъ на небѣ. Ты былъ выдающійся русскій мыслитель и великій *человѣкъ*: такіе люди живутъ не за тѣмъ, чтобы умирать. Мы, твои ученики, тебѣ земно кланяемся.

— — — — —
Р Ъ Ч Ъ,

сказанная по внесеніи усоннаго въ кладбищенскую церковь студентомъ 4-го курса П. Борисовскимъ.

Скоро совсѣмъ сокроешься ты отъ насъ, дорогой наставникъ! Послѣдній разъ мы смотримъ на священный прахъ твой. Не станетъ тебя, незабвеннаго Виктора Дмитриевича! Кому изъ насъ, твоихъ учениковъ и почитателей, не было дорого это имя?.. Въ тебѣ мы погребаемъ того, кто былъ славою и красотою паніей академіи. Твое имя прославлялось и было едва ли не у всѣхъ на устахъ въ духовно-учебномъ мірѣ. Кто зналъ и любилъ дорогую нашу академію,

тотъ зналъ — любилъ и тебя, уважаемаго наставника. Какъ то даже трудно помириться съ мыслию, что уже не стало тебя среди насъ. И не мы одни ея питомцы и твои почитатели, будемъ скорбѣть о твоей смерти: будутъ скорбѣть и всѣ тѣ, кому дороги интересы духовной науки и вѣры.

Ты былъ глубочайшій и рѣдкій философско-богословскій умъ. Ты былъ неутомимый искатель, искреннѣйшій другъ и самоотверженный служитель истины. Ты остался таковымъ до конца своей жизни, и самая смерть застала тебя среди этихъ тяжелыхъ заботъ, которыя ты, не щадя силъ, несъ на себѣ ради служенія истинѣ и духовному просвѣщенію. До послѣднихъ дней ты, неутомимый труженикъ науки, не покладалъ своихъ рукъ. По ангелъ смерти незамѣтно коснулся тебя и какъ-бы молвилъ: „довольно, любитель истины и труда! Ты много поработалъ: успокойся же теперь и усни мирно вѣчнымъ сномъ. Твоя жизненная задача исполнена“.

Твоя философская рѣчь отличалась жизненною простотою и непосредственною очевидностію. Въ ней каждый усматривалъ какъ-бы отголосокъ лучшихъ задатковъ своей собственной души, выраженіе ея высшихъ идеальныхъ стремленій. Ты, великій философъ, проникалъ въ сокровенныя тайники человѣческой души, и выносилъ оттуда и показывалъ всѣмъ драгоценныя перлы ея неисчерпаемаго сокровища. Потому-то ты говорилъ не только языкомъ строго-логическаго разсудка, но и языкомъ живаго и чувствующаго сердца.

Средоточіе и душу твоихъ научно-философскихъ и жизненныхъ трудовъ составляетъ религіозно-христіанская идея. Ты былъ великій философъ, но вмѣстѣ и глубоко вѣрующій христіанинъ, посвятившій всего себя, всю свою жизнь для служенія этой идеѣ, принесшій ей въ жертву всю силу своего таланта. Среди широкаго разлива враждебныхъ вѣрѣ направленій мысли и знанія, когда многіе наши соотечественники открыто возставали противъ основныхъ христіанскихъ воззрѣній, твой умъ всецѣло сохранилъ воспринятія въ дѣтствѣ религіозно-христіанскія понятія. Ты изучалъ ложныя направленія, но никогда не раздѣлялъ ихъ. Ты твердо вѣрилъ въ религіозно-христіанскую истину, и не хотѣлъ ничего уступить изъ нея ради идей своего времени. Ты вѣрилъ, что, не смотря на всѣ ухищренія лжеименнаго

человѣческаго знанія, истина останется навсегда непобѣдимой. Ты вѣрилъ, что свѣтъ ся, откуда къ нему ни зайди, всегда будетъ горѣть яркимъ и свѣтлымъ пламенемъ и никогда не потухнетъ. Свѣтъ и во тьмѣ свѣтитъ, и тьма не объемлетъ его (Іоан. I, 5). Ты, великій философъ, не только твердо вѣрилъ въ христіанскую истину, но старался вмѣстѣ и защитить ее отъ нападеній невѣрія и ложнаго знанія, и утвердить на прочной почвѣ здравыхъ понятій и выводовъ точной науки. Ты самъ нѣкогда писалъ, что превратныя, отрывочныя, съ вѣтра схваченныя религіозныя мгбнія настолько могутъ быть опаснѣе для религіозной жизни, насколько легкомысленное увлеченіе, основанное на одномъ довѣрїи къ авторитету, безъ собственной провѣрки, вреднѣе строго продуманнаго*), пережитаго мыслию, хотя и односторонняго убѣжденія.

Глубокое философское развитіе и искренность христіанскихъ убѣжденій создали въ тебѣ и возвышенный нравственный характеръ. Кротость, доступность, отсутствіе всякаго превозношенія и горделиваго сознанія собственныхъ заслугъ и преимуществъ, — таковы были качества, которыя всегда украшали твою личность. Кто изъ насъ, учениковъ твоихъ, не пользовался плодами твоей любви и снисходительности? Среди разныхъ тяжелыхъ невзгодъ мы всегда находили въ тебѣ своего неизмѣннаго покровителя, ходатая и заступника.

И вотъ ты, краса академіи, неутомимый труженикъ науки, великая общественная сила, любимый папъ наставникъ и покровитель — ты сходишь теперь въ могилу... Что дѣлать намъ? Пролить слезы и скорбѣть? Теперь пужны тебѣ отъ насъ не слезы и соболѣзнованія, а пламенная молитва, дабы милосердый Господь упокоилъ душу твою, „идѣже вси праведни пребываютъ“. И мы всегда будемъ горячо молить Всевышняго Владыку о твоёмъ вѣчномъ упокоеніи.

„*Буди вѣренъ до смерти, и дамъ ти вѣнецъ живота*“, сказалъ І. Христось. И мы будемъ утѣшаться въ настоящей скорби надеждою, что Человѣколюбивый Господь поселить и тебя въ обители праведныхъ, ибо и ты до смерти остался вѣренъ своему высокому призванію, свято и ревностно исполнилъ свой жизненный долгъ, не скрылъ своего

*) В. Д. Кудрявц. Религія, ея сущность и просл. Москва, 1871. 3—4.

таланта, до конца жизни соблюлъ вѣру Христову въ сердцѣ своемъ и служилъ ей. Твое имя неизгладимыми буквами начертано будетъ въ лѣтописи нашей дорогой академіи. Оно приобщится къ числу тѣхъ достославныхъ именъ, которыя такъ дороги и незабвенны для ея питомцевъ.

Прими теперь отъ насъ этотъ послѣдній привѣтъ, и прости, незабвенный нашъ паставникъ и покровитель! Прости, прости!...

Р Ъ Ч Ъ,

сказанная по внесеніи усопшаго въ кладбищенскую церковь студентомъ 2-го курса В. Мещерскимъ.

Дорогой нашъ наставникъ!

Такъ недавно, всего тому недѣлю назадъ, мы видѣли тебя въ стѣнахъ родной и глубоко любимой тобой Академіи. Идя въ этотъ день на послѣднюю лекцію, ты былъ такой тихій, спокойный, съ яснымъ взоромъ, какъ и всегда. Ты не зналъ, что это послѣдній день твоего пребыванія въ стѣнахъ Академіи, что это послѣдняя изъ тѣхъ твоихъ дорогихъ лекцій, которыя ты читалъ юношамъ въ теченіи цѣлыхъ 40 лѣтъ. Еще такъ недавно мы видѣли тебя въ своемъ св. храмѣ, который ты такъ любилъ посѣщать. Кто думалъ, что намъ скоро придется говорить надгробное по тебѣ слово и послѣднее „прости?“ Посмотри, какая горячая любовь къ тебѣ и горькая скорбь начертаны на каждомъ лицѣ изъ этой родной семьи. Посмотри, какъ эта семья сдѣлала все для тебя: она, какъ сердобольная мать съ самой минуты твоей смерти не оставляла тебя, она горячо молилась о тебѣ, она проливала по тебѣ обильныя слезы, она не давала никому изъ чужихъ оказать тебѣ послѣднія услуги: читала надъ тобою священные псалмы, несла тебя въ нашъ св. храмъ, украсила тебя дорогими вѣнками. Посмотри, въ какомъ горѣ эта семья! Увы, мы уже никогда, никогда не услышимъ отъ тебя ни единого звука! Отошелъ отъ насъ проповѣдникъ истины, мужъ правды и любвеобильный нашъ отецъ. Онъ теперь уже не съ нами учениками, а съ великими паставниками своими, приснопамятными Горскимъ и Голубинскимъ. Свершилъ онъ

свое теченіе и вотъ теперь совсѣмъ скроются отъ нашихъ очей и брѣнные останки его. Останки скроются: но самъ онъ никогда не сокроется ни отъ насъ, ни отъ тѣхъ, что будутъ послѣ насъ. Онъ всегда живымъ останется въ нашемъ сердцѣ; всегда живымъ онъ останется для насъ и для другихъ въ томъ наслѣдіи, которое онъ оставилъ на землѣ. Его печатными трудами, духомъ его трудовъ, будутъ многіе поддерживать свою духовную жизнь, а быть можетъ многіе и оживуть. Прости, но въ насъ живи!

НА МОГИЛѢ В. Д. КУДРЯВЦЕВА.

Жестокая смерть беспощадной рукой
 Жизнь косить на лѣво и право, —
 Взмахнула... свершился ударъ роковой,
 И нѣтъ у насъ больше тебя, дорогой,
 Тебя, наша гордость и слава!
 Въ холодномъ гробу одинокъ ты лежишь,
 Не видишь печали и муки;
 Взываемъ къ тебѣ, — но ты нѣмъ, ты молчишь,
 Не слышишь рыданья и слезы не зришь
 Родныхъ и питомцевъ науки.
 Нежданно угасъ ты... Утрата горька!
 При звукахъ надгробнаго пѣнья
 Тяжелая сердце сжимаетъ тоска!
 Ужасна потеря, печаль велика!
 Но все же и есть утѣшенье:
 Нѣтъ, мы не вполнѣ, разставаясь съ тобой,
 Остались здѣсь сиротами:
 Лишь прахъ твой — наслѣдіе тьмы гробовой,
 Но свѣтлой и чистою живъ ты душой,
 Живъ въ памяти вѣчной межъ нами.
 И намъ-ли забыть, если въ жизни твоей
 Явилъ ты намъ столько благаго?!
 Ты жилъ, озаря насъ свѣтомъ идей,
 Ты жилъ, поучая насъ жизнью своей
 И силой горячаго слова...
 И вотъ ты замолкъ и носыпанъ землей
 Въ могилѣ сырой и холодной:

Но образъ твой, вѣчной сія красой,
Средь тьмы заблуждений въ юдоли земной
Намъ будетъ звѣздой путеводной.

Н. Успенскій.

Въ скорбные дни Академіи получены были выраженія скорби въ телеграммахъ: изъ Чернигова отъ Епископа Сергія, изъ семинарій Рязанской, Орловской, Тульской, Тамбовской, Вологодской, изъ Задопскаго училища, отъ профессора Харьковскаго Университета М. А. Остроумова, изъ Астрахани отъ преподавателей семинаріи и училища, отъ студентовъ Кіевской Академіи; въ письмахъ: отъ Почетнаго Блюстителя Н. М. Оедюкина, отъ профессора Казанской Академіи А. О. Гусева, отъ доцента Московской Академіи (изъ Берлина) А. И. Введенскаго, отъ двоихъ воспитанниковъ XLVI курса С. Соколова и О. Делекторскаго, изъ Казани отъ А. Рождествина.
